

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

*На службе
его величества*

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина
На службе Его Величества

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

На службе Его Величества / В. Вербинина — «Автор»,
2019 — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-04-101919-8

Под силу ли одной девушке, даже очень красивой, помешать войне между двумя могущественными державами? Да, если это Амалия, секретный агент русского императора. Для этого ей придется отправиться в Лондон, где она совершенно неожиданно для себя окажется... замужем. Местный аристократ так торопился обвенчаться, что не удосужился рассмотреть лицо невесты за плотной вуалью. Что ж, Амалия постарается выпутаться из этих пикантных обстоятельств с честью для себя и пользой для отечества! Ранее книга издавалась под названием «Английский экспромт Амалии».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101919-8

© Вербинина В., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	11
Глава 3,	15
Глава 4,	19
Глава 5,	26
Глава 6,	30
Глава 7,	37
Глава 8,	41
Глава 9,	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерия Вербина На службе Его Величества

© Вербина В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Из газеты «Патриотическая мысль»
за 19 марта 1885 г.*

Победоносные русские войска вновь показали всему миру, на что они способны. Нет, не перевелись еще герои в матушке-России, и не далее как вчера достойный сын своего Отечества генерал Комаров поддержал славу нашего оружия, упрочив ее еще одной блистательной победой. На южных рубежах нашей державы, близ реки Кушки, которой, вне всякого сомнения, суждено войти в историю, доблестный военачальник нанес сокрушительное поражение войскам афганцев, которые понесли значительные потери. Следует ожидать дальнейшего расширения границ нашей великой Российской империи в Азии. Сердца всех истинных россиян преисполняются радостью при этом известии.

Глава 1, ***в которой выясняется, что Отечество в опасности*** ***и спасти его может только один человек***

Да, дела обстоят хуже некуда, – признался Багратионов.

Так как его собеседница неоднократно слышала из уст камергера, тайного советника и начальника секретной службы, именно эти слова, она лишь чуть-чуть переместилась в кресле, откинувшись на мягкую спинку, и машинально отметила про себя, что на сей раз тон начальника серьезен донельзя и в нем сквозит неподдельная озабоченность. Баронесса Амалия Корф, в девичестве Тамарина, славилась своим умением подмечать вот именно такие тонкие нюансы.

– Не преувеличивая, скажу, что мы находимся накануне большой войны, – продолжал Багратионов, меряя кабинет шагами и время от времени останавливаясь, чтобы стереть платком капли пота со лба. Амалия не проронила ни слова. – Ох уж мне этот Афганистан!

Он с отвращением посмотрел на платок, швырнул его на стол, круто развернулся и сел напротив Амалии. Камергер Багратионов был энергичен, сравнительно молод – ему еще не сравнялось и пятидесяти – и замечательно некрасив. Резкие, неправильные черты добродушного лица и круглая, как шар, голова, покрытая жесткими седоватыми волосами, делали его похожим на какого-нибудь смешного мелкого чиновника, которыми полон Петербург, и мало кто подозревал, какие замечательные мысли и прожекты таятся в этой голове.

Его собеседница была полной противоположностью его превосходительству. Баронесса Амалия считалась в свете одной из первых красавиц. Подобно неустрашимому генералу Комарову, она тоже одерживала победы, но на несколько ином поприще. Злые языки шептали, что перед ее чарами капитулировал десяток дипломатов, полсотни аристократов и даже один великий князь, из-за нее будто бы разорвавший помолвку с некой немецкой принцессой. Правда, осведомленные люди утверждали, что он сделал это, по неосторожности поглядев на упомянутую невесту. В свои двадцать два года баронесса жила одна и, если бы захотела, могла подыскать себе любую блестящую партию, но, по-видимому, вовсе к этому не стремилась. Еще до замужества Амалия волею обстоятельств оказалась в особой службе его императорского величества и, так как ей обычно удавалось то, что не удается другим, в короткий срок сделалась одним из самых ценных агентов империи. Свободное от работы время баронесса посвящала благотворительности и слыла весьма известной филантропкой. Помимо всего прочего, это было безупречное прикрытие для ее основной деятельности, в которой она не знала себе равных. Добавим, что, так как наша героиня была светлой блондинкой с высокими черными бровями и карими глазами, временами отливавшими золотом, перед ней мало кто мог устоять. Даже сейчас, когда она просто сидела, одетая в безыскусное бордовое платье, и сосредоточенно слушала своего собеседника, баронесса была невероятно хороша.

– А все эти генералы... – с горечью продолжал Багратионов, дергая ртом. Подобно многим образованным людям при дворе, он на дух не переносил военных, считая их всех недалекими тупицами. – В мирное время им, видите ли, неймется. Подавайте им битвы, сражения, звезды на грудь и новые чины. Тьфу! Мочи моей нет терпеть их, Амалия Константиновна. Из-за этого болвана Комарова мы попали в такой переплет!

Багратионов совсем расстроился. Четыре года тому назад, с восшествием на престол нового императора Александра Третьего, он заменил на посту начальника особой службы действительного тайного советника Волынского, ловкого старого проныру и интригана. В отличие от своего более уравновешенного предшественника, Багратионов принимал близко к сердцу дела государства, и Амалии это нравилось.

– Лучше бы он полгода назад проиграл ту проклятую битву, – заключил тайный советник, страдальчески покривившись. – Скольких бы неприятностей нам удалось тогда избежать!

– Генералы не слишком любят проигрывать, – с иронией заметила Амалия.

– Да, но тут исключительный случай. – Багратионов поднялся и подошел к большой карте мира, висящей на стене наискосок от заключенного в золоченую раму портрета государя. – Вот, смотрите, – стукнул он по карте согнутым пальцем. – Видите? Это Туркестанская область. – Палец двинулся по карте вниз. – Вот та самая река Кушка, где в марте наш отважный генерал... Впрочем, не буду. – Палец дернулся влево. – Это Персия. – Палец скользнул по карте вправо. – Это Афганистан, который – если бог смилуется над Россией – англичане никогда не заполучат. Пока, несмотря на все их усилия, две предпринятых войны и договор о протекторате, им до сих пор не удалось там закрепиться¹. А это, – тайный советник ткнул в огромную область чуть ниже, залитую красивым ярко-розовым цветом, – владения Англии. Индия, Амалия Константиновна.

– Иными словами, – подытожила Амалия, – Афганистан играет роль более или менее нейтральной территории между нашими землями и колониями англичан. И генерал Комаров, схватившись с афганцами и, более того, одержав над ними победу, поставил под сомнение существующий status quo. Так?

Если любознательный читатель захочет с картой в руках проверить высказывания советника и его очаровательной собеседницы, ему следует помнить, что Индия в XIX веке включала в себя и территорию современного Пакистана, а Персия – это всего лишь традиционное русское наименование Ирана.

– Хуже всего, – вскинулся Багратионов, – что Комаров, по сути, сумел одержать победу не над афганцами, а над англичанами, которые стояли за их спиной и направляли этот набег. Вот ведь что скверно!

– Единственное, чего я не поняла, читая газеты, – так это на чьей территории все-таки произошло сражение, – заметила Амалия.

– Этого никто не знает. – Тайный советник обеими руками яростно взъерошил свои короткие волосы. – Мы в свое время столько твердили о наших правах на Константинополь и прочая, что все успели нам поверить, и теперь, Амалия Константиновна, англичане чувствуют, что мы представляем для них серьезную угрозу. – Багратионов рухнул в кресло. – Теперь вы видите, баронесса, к чему приводят неразумные действия некоторых военных.

– А мы действительно так опасны для англичан? – спокойно спросила Амалия.

– В смысле собираемся ли мы угрожать их колониям в Индии? – Багратионов взволнованно приподнялся. – Бог мой, Амалия Константиновна, нет! Конечно же, нет. У нас нет для этого ни сил, ни средств, ни, откровенно говоря, желания. Но тем не менее англичане волнуются, и их можно понять. Представьте себе, что отыщется какой-нибудь новый Скобелев, которому взбредет в голову прослыть героем. Дуракам, знаете ли, везет, и всегда не тогда, когда нужно. А что будет, если какой-нибудь такой... герой возьмет и, не дожидаясь приказа из Петербурга, двинется на Кабул? Все же помнят, как двадцать лет назад Черняев самовольно занял Ташкент, хотя его никто об этом не просил². Но то был никому не нужный Ташкент, а тут – территория, на которую претендуют англичане. – Багратионов тяжело вздохнул. – И тогда, Амалия Константиновна, заварится такая каша, расхлебывать которую нам придется очень долго.

¹ В первой англо-афганской войне 1838–1842 годов англичане потерпели поражение. Вторая война шла с 1878 по 1880 г. Ее результатом был Гандамакский договор о протекторате Англии над Афганистаном. Кстати, именно во вторую войну, в сражении при Мейванде, где англичане были разбиты, получил ранение небезызвестный доктор Ватсон (см. «Этюд в багровых тонах» Артура Конан Дойля).

² В июне 1865 г. генерал М. Г. Черняев, используя благоприятные обстоятельства и не испросив согласия из столицы, штурмовал и захватил Ташкент, принадлежавший Кокандскому ханству.

Амалия слушала тайного советника, постукивая кончиком вышитой туфли по двухвершkovому ковру, устилавшему пол кабинета, и думала, что Петр Петрович Багратионов все-таки несправедлив к военным. И не все они дураки, и, кроме того, следует принять во внимание, что служба у них тяжелая и ответственность они несут не за кипы бумажек, а за реальные человеческие жизни, – не говоря уже об условиях, в которых им приходится порой воевать. Как генерал Гурко в двадцатипятиградусный мороз переходил Балканы и занимал Софию, а? А героическая оборона города Баязет без воды в сорокаградусную жару? А защита Шипкинского перевала, который удерживали – и удержали! – против значительно превосходящего противника?³ Хорошие военные любой державе нужны не меньше, чем опытные дипломаты и даже камергеры, так что многоуважаемый господин советник зря брюзжит.

– Следует ли понимать слова вашего превосходительства так, – осведомилась Амалия ровным голосом, – что война с Англией может начаться в любую минуту?

Тайный советник поник головой.

– Я бы сказал, что война неизбежна. Англичане испокон веков стремятся к безопасности в пределах своих владений, для чего, кстати, максимально расширяют их, и им совсем не улыбается терпеть возле себя наше присутствие. И до кушкинской эпопеи наши отношения складывались, мягко говоря, неудачно, а теперь – и подавно. Это злосчастное столкновение показало, что ни им, ни нам больше некуда деться: мы подошли вплотную к границам друг друга. Эпоха завоеваний закончилась, Амалия Константиновна. Мы слишком глубоко завязли в Средней Азии, чтобы теперь выбираться оттуда. В свою очередь, англичане ничем не дорожат так, как Индией, и ради нее пойдут на все. Англичане – люди храбрые, но не в этом дело, ибо на любую храбрость всегда сыщется еще большая. Дело же в том, что они еще и невероятно коварны. Начнешь воевать с ними, так они против тебя всю Европу поднимут, а это России вовсе не нужно. В турецкую войну мы едва не взяли Константинополь, но это потому, что другие державы не вмешивались до поры до времени, рассчитывая, что мы сами сломаем себе шею. Сейчас нам даже не дадут вывести флот в Черное море. Нет, нам надо сделать все, чтобы избежать войны, но... без ущерба для нашего престижа. – Багратионов поднял глаза к портрету в золоченой раме, изображавшему немолодого человека с окладистой бородой, высоким лбом и пронзительными глазами. – Политика его императорского величества – сохранять повсюду мир, насколько возможно. Сами знаете, как это непросто – ведь Франция с Германией только и ждут повода, чтобы вцепиться друг другу в горло, а Бисмарк с австрийцами интригуют против нас и повышают пошлины на русские товары. Французы – наши верные союзники, но чего от них ждать, если адмирал Жорес, которого они пару лет назад прислали сюда в качестве посла, заявил, что России не повредил бы республиканский строй. Каково, а? После того как предыдущий царь был зверски убит этими поборниками свободы...

– Но неужели великий Горчаков не сумел заключить никаких военных союзов, благоприятных для нас? – прервала его Амалия.

Под «великим Горчаковым» подразумевался знаменитый дипломат, министр иностранных дел при нескольких царях, известный, помимо всего прочего, еще и тем, что был когда-то лицейским товарищем поэта Пушкина. Князь Горчаков ушел в отставку в 1882 году, когда ему было уже ни много ни мало восемьдесят четыре года.

– Разумеется, – неохотно согласился Петр Петрович. – Есть союз трех императоров – российского, немецкого и австрийского – об обоюдном нейтралитете в случае войны с четвертой державой. Таким образом, если мы, на горе себе, сцепимся с Англией или если нас опять потянет проветриться в Константинополь, немцы и австрийцы не будут воевать против нас. Но никто, Амалия Константиновна, не сможет помешать им скрытно помогать нашему противнику, если они сочтут это выгодным для себя. Доказательством служит то, что мы все больше и

³ Имеются в виду эпизоды недавней русско-турецкой войны (1877–1878).

больше теряем из-за них наше влияние в Болгарии, освобождению которой, заметьте, сами же и способствовали, а сейчас дело идет уже к полному разрыву отношений. Наш союз с французами более выгоден французам, чем нам, и если англичане решатся напасть на нас, нам никто не придет на помощь. Срок союза трех императоров истекает в 1887 году, а потом – полная неизвестность. Так что...

Багратионов сделал значительную паузу, во время которой Амалия начала с преувеличенным вниманием разглядывать ажурное обручальное кольцо на своем безымянном пальце.

– Я виделся недавно с его императорским величеством, – заговорил снова советник, – и он тоже придерживается мнения, что нам надо сделать все от нас зависящее, чтобы не допустить войны сейчас. Поэтому мы и подумали о вас.

В глубине души Амалия забавлялась. Они что, назначат ее главнокомандующим армиями? Или поручат ей устранить английскую королеву Викторию, толстую страхолюдную бабу, которая терпеть не может Россию и русских?

– В Англии, – продолжал тайный советник, – существует группа людей, всеми способами подталкивающая страну к войне с нами. Возглавляют ее двое, и они особенно опасны, ибо имеют деньги, власть и влияние, позволяющие им делать все, что заблагорассудится. Первый – Джордж Лаймхауз, баронет и владелец сталелитейных заводов. Он крупнейший производитель пушек и прочих видов оружия, так что война для него – всего лишь средство пополнить свой кошелек. Его отец сказочно обогатился во время Крымской кампании, и втайне Лаймхауз мечтает превзойти достижения родителя. Второй – лорд Ундервуд, или лорд Печатный Станок, как его еще именуют. Ежедневный тираж его изданий – пять миллионов экземпляров с лишним. Он выпускает такие газеты и журналы, как «Бритиш Уорд», «Ньюс энд Сториз», «Пикчер Ревью» и другие. Владея ими, он может направлять общественное мнение в нужное ему русло. Раньше он видел в войне с нами лишь повод для курьезных карикатур, которыми усеяны страницы его изданий, но с некоторых пор все переменилось, и недавно мы получили достоверные сведения о том, что он и Лаймхауз заключили союз и действуют сообща. В войну тиражи газет взлетают до небес, потому что все жаждут знать последние известия, и, если война разразится, Ундервуд внакладе не останется. Кроме того, Лаймхауз пообещал ему солидную долю акций своих бирмингемских заводов. Новоявленные союзники уже купили или привлекли на свою сторону нескольких политиков, например лорда Сеймура, и заручились поддержкой кое-кого из членов королевской семьи. Так вот, Амалия Константиновна, этой *entente cordiale*⁴ прессы и пушки надо положить конец. Любыми средствами.

– А что же общественное мнение? – спросила Амалия. – Неужели оно так просто позволяет собой манипулировать?

У Багратионова вырвался тихий смешок.

– Помните, Амалия Константиновна: англичанин Карлейль сказал о человеческом роде, что почти все люди – дураки. Так вот я бы не рискнул оспаривать это утверждение, хотя оно и задевает порядком мое самолюбие.

«Гм, надо будет почитать этого Карлейля», – подумала Амалия, но вслух ничего не сказала.

– Ваша задача – не допустить войны между Россией и Англией, – продолжал Багратионов. – Как – я вам уже сказал. С помощью чего вы это сделаете, мне безразлично. И его императорскому величеству тоже.

– Иными словами, – проговорила Амалия, которая любила расставлять все точки над *i*, – если я сочту целесообразным устранить лорда Ундервуда или баронета Лаймхауза, то есть устранить физически...

⁴ Сердечное согласие (*фр.*).

– Разумеется. Но чтобы на нас не пало и тени подозрения, Амалия Константиновна! Надеюсь, вы это понимаете.

Легкий холодок пробежал у Амалии по позвоночнику. Никогда еще ей не давали понять яснее, что она может убить человека – даже двух – по своему усмотрению. И это ей не понравилось.

– Когда вы отправитесь в Лондон? – спросил тайный советник, ища глазами свой платок, который куда-то запропастился.

– Завтра же, – сказала Амалия. – Мне нужны подробнейшие досье на обоих джентльменов.

– Вы их получите. Парижский экспресс отходит в час дня. Под каким именем вы едете?

– Под своим. Меня и так достаточно знают. Надеюсь, в Англии не осведомлены, зачем я туда направляюсь?

– Исключено, Амалия Константиновна. Решение послать вас было принято его императорским величеством и мной, и о нем никого не уведомляли. Вы едете с дипломатическим паспортом?

Преимущество дипломатического паспорта заключалось в том, что его обладателя было невозможно арестовать. Однако, когда тебя посылают на более чем сомнительное задание, спасительный с виду паспорт может обернуться нешуточной помехой – ведь если дело, не дай бог, провалится, поднимется такой скандал, от которого не спасет никакая неприкосновенность, и тогда пострадает не одна Амалия, а весь российский дипломатический корпус. Поэтому баронесса ответила:

– С обычным. Дипломатический паспорт может осложнить мою миссию.

– Наш посол в Лондоне – князь Голицын. Если возникнут какие-либо затруднения, обращайтесь к нему, он вас выручит.

И галантный Петр Петрович поцеловал даме руку, проводив ее до дверей кабинета.

Глава 2, *в которой друзья наперебой дают советы, а враги плетут козни*

– Ну, удружил!..

Амалия была раздражена и имела на то все основания. Бывало, ей давали трудные поручения... бывало, ей давали поручения неприятные... но никто еще не требовал от нее невозможного!

Шутка ли – предотвратить войну! Даже если знаешь, что ее очень хотят развязать в своих интересах всего два джентльмена средних лет. А что, если момент уже упущен? Если королева твердо решила воевать с Россией? Если английские генералы уже потирают руки в предвкушении новых походов, а налогоплательщики готовы по мере возможностей способствовать последним? Тогда никакое убийство ничего не решит; более того – оно может только все ухудшить.

Амалия велела слуге раздобыть для нее ундервудовские газеты за последние полгода. Какие? Да любые! Брат великого князя Владимира Львовича, кажется, англофил и читает всю английскую прессу.

– Скажи, что это для меня.

В Петербурге Амалия занимала прекрасный особняк, в котором жила и вся ее семья: маленький сынишка Михаил, мать Аделаида Станиславовна, полька по происхождению, дядя Казимир Станиславович, и слуги.

Аделаида Станиславовна была особой беспокойной во всех отношениях. Заслышав шаги дочери на лестнице, она вскричала:

– Ах! Моя Amélie!

И бросилась ей навстречу так, словно они не встречались лет десять.

– Моя Amélie, – взволнованно твердила мать, стискивая хрупкую баронессу в своих объятиях, – ты должна сделать так, чтобы этот ужасный человек больше не приходил сюда!

– Кто, мама?

– Граф Колтовский!

– Но почему? – удивилась Амалия. Граф Колтовский был их соседом, убеленным сединами старцем лет семидесяти. – Что же он такого натворил?

– Он сделал мне предложение! – в негодовании вскричала прекрасная (для своих лет) полька. – Вот так!

– Но, мама, вы должны этим гордиться, – заметила Амалия, пожимая плечами. – Не всем делают предложения в ваши годы.

– Мне – гордиться? – пронзительно проверещала Аделаида Станиславовна. Однако довод, приведенный дочерью, заставил ее задуматься.

Амалия воспользовалась этим, чтобы ускользнуть к себе, но не успела пройти дальше малой гостиной с картиной Тициана на стене, которую Амалия заполучила в результате одного из своих странствий. Здесь в нее вновь вцепилась догнавшая дочь Аделаида Станиславовна.

– Но, Amélie, это же неприлично! Мне сорок лет...

– Сорок пять, – поправил ее брат Казимир, сидевший тут же и раскладывавший пасьянс.

– Ах, да отстань, мне лучше знать, кажется! – раздраженно отмахнулась его сестра. – Я уже бабушка, между прочим!

– Я бы не сказал, что стать графиней неприлично, – высказался Казимир меланхолически. – Неприличность только в том, что после ей может подвернуться князь и она пожалеет о своем решении.

– Казимир! – в негодовании вскричала Аделаида Станиславовна. – Если ты не женишься, то это не значит, что и другие должны быть как ты!

При слове «женидьба» Казимир в ужасе вытаращил глаза, выронил карты и поспешно осенил себя крестным знаменем. Амалия шагнула к двери, но мать заметила ее движение.

– Амели! Ты куда?

– Собирать вещи.

– Тебя опять куда-то посылают? Безобразие! Ты там, наверное, работаешь за всех. И куда ты едешь, бедная девочка?

– В Англию.

– О боже! – Аделаида Станиславовна схватилась за сердце. – *Казимеж*, ты слышал? Там ужасные туманы и скверная погода! Помни о своих легких, Амели, и старайся не простужаться!

– Мне должны принести бумаги со службы и билет на поезд, – сказала Амалия, – позовите меня, когда появится посыльный.

С этими словами она закрылась в своей комнате, чтобы заняться укладыванием необходимых в дороге вещей, и вышла оттуда только на минуту – повелеть слуге отправить срочную телеграмму в Париж, господину Франсуа Галлье. При сборах нельзя было упустить ни единой мелочи, а часть вещей наверняка поставила бы горничную в тупик – например, «кольт» с перламутровой рукояткой, подарок одного американского друга, или ящик с помадами, притираниями и духами, второе дно которого скрывало батарею подозрительных пузырьков и корбочек.

Убедившись, что она ничего не забыла, Амалия спустилась вниз, и как раз вовремя – явился посыльный с двумя объемистыми папками и маленьким конвертом.

– Я могу забрать досье с собой? – спросила Амалия. – Боюсь, у меня не будет времени ознакомиться с ними здесь.

– Разумеется, – последовал ответ. – Но в Париже вы должны их оставить.

«И зачем я сказала, что завтра же готова двинуться в путь? – размышляла Амалия. – Война могла бы подождать дня два или три, в конце концов!»

Лакей принес кипу английских газет и приглашение на бал от Владимира Львовича. Амалия села к столу, написала в ответе, что не сможет присутствовать на балу, так как уезжает по срочному делу, и просила ее извинить. Отдав лакею письмо, она зашла в детскую, где среди кубиков и прочих игрушек возился карапуз с толстыми щеками и светлыми кудрями. Всякий раз, глядя на карапуза, Амалия поражалась тому, что у него ее глаза.

– Ну-с, Михаил Александрович, – шутливо спросила она, садясь в своем красивом розовом платье прямо на ковер рядом с сыном, – как поживаете?

Карапуз, тихонько сопя, положил поверх сложной постройки очередной кубик и взглянул на маму, после чего подошел и без всяких церемоний поцеловал ее в нос. Оба засмеялись – просто так, без всякой причины.

– Опять уезжаешь? – спросил карапуз деловито.

– Опять, – подтвердила Амалия со вздохом.

Мишенька застенчиво потупился.

– Но ты вернешься? – спросил он недоверчиво.

– Конечно, вернусь, мое сокровище, – ответила Амалия ласково. – Что тебе привезти?

Миша почесал нос и вздохнул.

– Птичку, – попросил он умоляюще. – И чтобы она пела!

– Но птичке грустно в клетке, – возразила Амалия. Карапуз засопел и стал теревить себя за волосы.

– Нет, ей не будет грустно, – промолвил он наконец. – Ведь у нее буду я.

Когда Миша был совсем маленьким, он как-то застал мать в слезах после одного неприятного разговора и, растерявшись, спросил: «Тебе грустно?» Амалия погладила его по голове и ответила: «Нет, потому что у меня есть ты».

– А у меня тогда кто будет? – Амалия сделала вид, что обиделась.

– Я и птичка, – гордо ответил Миша. – Аты знаешь, что бабушка с ума сошла?

– Что? – Амалия оторопела.

– Ну да, – беззаботно продолжал ребенок. – Так сказал дедушка, потому что она хочет выйти замуж.

«Дедушкой» он называл бабушкиного брата Казимира. Отец Амалии умер несколько лет назад, еще до рождения внука.

– Ох, – сказала Амалия, переводя дух. – Пойдем-ка лучше обедать.

За обедом она большей частью молчала. И размышляла. Что бы она ни делала для сына, ее не оставляло чувство, что она делает слишком мало. Миша был на редкость милым, кротким, добрым ребенком, и ее волновала мысль, каким он станет, когда вырастет. Ей хотелось оградить его от грязи этого мира, но умом она понимала, что это неосуществимое желание. Люди будут его мучить, и он будет мучить их. Так уж устроен мир.

– Ты почему ничего не ешь? – спросил Миша, деловито облизывая ложку.

Амалия взяла себя в руки и отдала должное превосходному гусю с яблоками, мясо которого прямо-таки таяло во рту.

– Графиня Апраксина, – сообщил Казимир, – устраивала вечер для детей, когда ты была в отъезде. Мишу тоже пригласили, и, представляешь, внучка князя К. от него не отходила.

– Он Миша, она Маша, – подхватила Аделаида Станиславовна. – Хорошее начало!

– Да что тут хорошего? – возмутился Миша. – Она же девчонка!

Все засмеялись, а Миша надулся.

– Я надеюсь, ты уезжаешь в Англию ненадолго, моя дорогая, – заметила Аделаида Станиславовна. – Пиши нам почаще! Если увидишь королеву Викторию, передай ей, как я ею восхищаюсь. Ей это, конечно, все равно, но ты все-таки передай.

– Англия – это где в бридж играют? – подал голос Миша.

Амалия положила вилку. Над столом повисло зловещее молчание.

– Дядя Казимир, – заговорила Амалия по-польски, – я же просила вас не учить ребенка картам!

– Но бридж – интеллектуальная игра! – оправдывался заядлый картежник.

– Как железка? Как фараон?

– Ничего подобного! Я тебе сейчас покажу.

Воодушевившись, дядя Казимир встал из-за стола и тотчас вернулся с колодой карт.

– Дядя, прошу вас!

– Нет, ты погоди, – отмахнулся тот от племянницы и начал вещать, как пророк: – В бридж лучше всего играть вчетвером. Роббер – это...

Дядя Казимир сдал карты и рассказал, что такое шлемы, большой и малый, форсинг, контра и реконтра, как вести подсчет очков и как играть с болваном.

– Дядя Казимир, – с упреком сказала Амалия, – ты передернул.

– Я? – поразился честнейший из людей.

– Да, только что! Интеллектуальная игра, тоже мне!

– Ну и что? – возмутился Казимир. – Научиться передергивать – значит научиться выигрывать! И ничего тут нет особенного. Я же никому не запрещаю играть честно!

– Теперь я понимаю, – сердито отозвалась Амалия, – почему, какой русский роман ни откроешь, так везде – если поляк, то непременно шулер.

– А ты читай нашего Сенкевича, племянница, – посоветовал Казимир. – Там что ни русский – то негодяй дальше некуда. Но как ты сумела меня поймать, а? Я ведь так долго тренировался, повторяя этот прием!

– Мама! – воззвала Амалия к Аделаиде Станиславовне. – Надо нам будет его женить.

Послышались истошные вопли на трех языках – русском, польском и французском. Казимир бухнулся на колени и стал елозить по ковру, умоляя не отдавать его на брачное заклание. Он клялся, что оставит свои замашки и немедленно исправится. Все участники этой сцены отлично понимали, что ломают комедию, и веселились от души. Наконец Казимир получил прощение и удалился в малую гостиную осваивать какой-то новый, необыкновенно трудный пасьянс. Амалия принесла английские газеты, разложила издания по датам и, вооружившись карандашом, стала их просматривать. Миша сел рядом и подлез головой под ее левый локоть. Она обняла его и поцеловала в макушку. Сын прижался к матери и заснул. В другом углу Аделаида Станиславовна, мурлыча себе под нос, листала модные французские журналы.

– А вот этот турнюр – просто неприличен! О чем они думают? А капор – что за прелесть!

Морщась, Амалия изучала статьи, имевшие касательство к России, и обнаружила, что примерно два месяца назад тон их резко изменился. Из насмешливого и иронического он стал резко – до истеричности – враждебным. Амалия заметила, что выражение «эти дикие скифы» попало ей не меньше пяти раз, а слова «русские варвары» и «русские орды» повторялись так часто, как только позволяла тема. Во всех статьях проводилась идея необходимости войны во имя защиты интересов британской нации. Вздохнув, Амалия отложила газеты.

– Мда-а, – задумчиво произнесла она. – Этот лорд Ундервуд – мерзкий человечиска, и только.

Она поглядела на сына, заметила, что он спит, взяла его на руки и отнесла в его комнату.

* * *

Приблизительно тогда же, когда Амалия в Петербурге читала газеты, в Лондоне о ней шел серьезный разговор.

– Итак, Дэниэл, все, что нужно знать, нам известно. Она придет не раньше среды, так что до тех пор у вас есть время. Учтите, эта дама, несмотря на элегическую внешность, – помесь Миледи Дюма и Рокамболя⁵. От нее можно ожидать любых сюрпризов.

– Не извольте волноваться, лорд Сеймур, – отозвался его собеседник. – Главный сюрприз она получит от меня.

– Разумеется, Дэниэл, я знаю, что могу на вас рассчитывать. Поэтому и поручаю вам о ней позаботиться. Наш общий друг, лорд Ундервуд, будет весьма недоволен, если с мистером Лаймхаузом что-нибудь случится, да и сам лорд Ундервуд ведь тоже не бессмертен. Нам бы не хотелось, чтобы он до срока оказался в ящике, гм, не предназначенном для хранения газет.

Дэниэл слегка покривил рот, показывая, что оценил остроу своего собеседника по достоинству.

– Будьте спокойны, милорд, – отозвался он. – Ей не придется вам докучать, за это я ручаюсь.

Увы, в случае с баронессой Амалией Корф было бесполезно ручаться за что бы то ни было. И Дэниэлу Уивертону вскоре предстояло убедиться в этом.

⁵ Рокамболь – герой серии авантюрных романов популярнейшего в XIX веке французского писателя Пьера-Алексиса Понсон дю Террайля.

Глава 3, *о лошадях, леди и общипанных курах*

В поезде, уносящем ее в Европу, Амалия скрупулезно изучила досье на обоих интересовавших ее деятелей. Ее ум лихорадочно искал, за что можно зацепиться, чтобы положить конец сотрудничеству короля прессы и властелина пушки. Ибо, хотя ей дали понять, что для решения ее проблемы вполне достаточно лишить жизни одного или даже обоих союзников, Амалию такой выход никак не устраивал. Убийство вообще – *ultimum auxilium*⁶, и прибегать к нему надо с чрезвычайной осмотрительностью. А лучше всего – не прибегать вовсе. Кроме того, незаменимых людей на свете очень мало, и никто не мог гарантировать, что преемники Ундервуда или Лаймхауза не будут разделять их взглядов на то, как надо обдeldывать свои дела в этом лучшем из миров. Так что самым верным средством, по мнению Амалии, было бы разбить союз лорда и баронета таким образом, чтобы его восстановление стало делом практически невозможным. Как это сделать – она пока не имела ни малейшего понятия, хоть и прекрасно отдавала себе отчет в том, с чем ей придется бороться. Вне всяких сомнений, обоими джентльменами двигала обыкновенная алчность – самая примитивная и вместе с тем самая сильная из человеческих страстей. Перевесить ее, и то при очень благоприятных обстоятельствах, могли бы только страх или оскорбленное самолюбие. Именно поэтому Амалия так тщательно перечитывала собранные в досье страницы, исписанные чьим-то разборчивым почерком, – в надежде, что среди вороха малозначительных и незначительных фактов ей удастся обнаружить хоть один, который приведет ее к желанной цели.

Поезд оставил позади пограничную станцию Вержболово⁷ и катил по уютной Германии. Амалия отложила выученные практически наизусть досье и, покусывая пальцы, уставилась в окно.

Лорду Герберту Фрэнсису Эдмунду Ундервуду исполнилось пятьдесят четыре года. Судя по фотографии, это был энергичный, прекрасно сохранившийся сухощавый джентльмен с благородной сединой, весьма его красивой. Он был очень умен, целеустремлен и хваток. Его остроты были у всех на устах, его лошади вызвали благоговение у завсегдатаев скачек в Англии и на континенте. Он был женат и имел семерых детей. Среди его изданий значились прекрасно оформленные ежемесячники для высоколобых интеллектуалов и дешевые ежедневные листки, которые по карману любому жителю Англии. В карты мистер Печатный Станок не играл, вино пил, но умеренно. Курил сигары, увлекался травлей лис, одно время содержал актрису, но потом бросил ее из-за ее бесконечных капризов. Одним словом, если бы он не был сволочью, он был бы вполне приличным человеком.

Джордж Лаймхауз родился в 1843 году и был, следовательно, на двенадцать лет моложе своего друга. С фотографии, приколотой к досье, смотрел широкий в кости, полный человек в котелке, с надменным мясистым лицом, украшенным усиками, и с пухлыми большими руками. Не так давно королева пожаловала ему титул баронета, и Амалия легко могла представить себе, что с этих пор он взирал на мир еще надменнее. Лаймхауз был одним из крупнейших английских промышленников. Его банковский счет, можно сказать, ломился от нулей, и жил он на широкую ногу. Охота и скачки баронета не интересовали, но вот остальным радостям жизни он умел отдать должное – обожал вкусно поесть, держал личного повара-француза и был, что называется, не дурак выпить. Настоящей же его страстью были женщины, и он волочился за ними с неутомимостью, достойной восхищения. Так как он был богат и имел значительное вли-

⁶ Крайнее средство (*лат.*).

⁷ Ныне это город Вирбалис в Литве.

яние, мало кто осмеливался ему отказать. Жена, не одобрявшая полигамных взглядов супруга, родила ему троих детей и с тех пор безотлучно находилась на водах в Спа, что его более чем устраивало. Если лорд Ундервуд слыл язвительным скептиком и его не так-то легко было расшевелить, то Лаймхауз, наверное, заходилась хохотом от любой грубой шутки. Но хотя он в жизни являлся весельчаком и бонвиваном, Амалия догадывалась: любому, кто пожелал бы встать ему поперек дороги, пришлось бы ох как несладко.

Таким образом, лорд Ундервуд больше всего на свете любил лошадей, а баронет Лаймхауз всему остальному предпочитал женщин. Идеальным для целей Амалии было бы, если бы Лаймхауз при своей неумеренной любвеобильности затеял интрижку с женой Ундервуда и последний бы об этом узнал. Хотя для большинства высокопоставленных людей семья – всего лишь распространенная форма лицемерия, которой они обязаны следовать, шутить с ней они не любят. Ни один мужчина, как бы он ни был безразличен к своей половине, не обрадуется, узрев на своем челе пресловутые метафорические рога, что испокон веков украшают всех обманутых супругов. А унижение общественного деятеля еще сильнее – ведь его жизнь, можно сказать, является достоянием окружающих, и, сколь бы могуществен он ни был, он все равно не принадлежит себе. Когда о его позоре начинают трубить знакомые и многочисленные недруги, он не вынесет насмешек окружающих, даже если и наделен философским спокойствием Сократа, мудростью Аристотеля и кротостью дохлой кошки. Короче говоря, если бы Лаймхауз соблазнил леди Ундервуд, лорд Печатный Станок никогда бы ему этого не простил, а значит, их сотрудничеству моментально пришел бы конец. Никакие деньги не стоят того, чтобы переступить через собственную гордость, – разумеется, когда ты и так уже богат.

Увы! К величайшему несчастью для Российской империи, для войны и мира, для настоящего и грядущего, Лаймхауз никогда, никак, ни при каких обстоятельствах не мог воспылать сердечной страстью к леди Ундервуд. Никто на белом свете, ни один человек, каким бы прилежным учеником Казановы он ни являлся, не был способен возбудиться при ее виде. Ибо леди Ундервуд была на редкость уродлива. Маленькая, косоглазая, близорукая, усеянная бородавками, как небо – звездами, она в любом, даже самом дорогом платье неизменно смахивала на плохо общипанную курицу. Единственным оправданием ее существования, по крайней мере в качестве леди Ундервуд, были солидные деньги, которые она принесла супругу в приданое и на которые тот (третий сын разорившегося аристократа) сумел открыть свое дело. К сожалению, за все на свете приходится платить, и на этот раз расплата была довольно своеобразной. Все семь детей лорда и леди Ундервуд носили на себе печать, если можно так выразиться, неоспоримого авторства своей матери. Один в тридцать лет был лыс, как сковородка, другой – кривоног и страшен до блеска, у третьего один глаз смотрел в Канаду, а другой – в Китай. Увидев их портрет, находившаяся в прескверном расположении духа Амалия задалась вопросом, как вообще такие несуразные создания могли появиться на свет. Ответ напрашивался сам собой: либо лорд Ундервуд был очень смелым человеком, либо кромешная тьма была ему подмогой. Словом, Амалии окончательно стало ясно, отчего Печатный Станок души не чает в лошадях.

Поняв, что ей не удастся использовать в своих планах леди Ундервуд, Амалия до самого Парижа ломала голову над тем, как бы еще столкнуть лбами союзников, и ничего не придумала. В шпионских романах героиня, как правило, стремится всеми силами соблазнить не в меру влюбчивого героя, чтобы подчинить его себе, но Амалия трезво оценивала свои возможности. Она знала, что женщине, пусть даже самой прекрасной на свете, не под силу заставить прожженного дельца забыть о миллионных прибылях, составляющих смысл его существования. От идеи воздействовать страхом Амалия отказалась сразу же, ибо было совершенно неясно, чем таким можно припугнуть лорда или баронета, чтобы они расстались с мыслью заполучить колоссальные деньги, которые на них посыпались бы в случае войны. Ундервуд вел практически безгрешный образ жизни, а Лаймхауз при всех своих негативных чертах не был замешан

ни в чем настолько скандальном, чтобы его могла испугать угроза разоблачения. Словом, с этой стороны Амалию тоже ждал тупик.

«Надо будет узнать побольше об их детях, – решила она, когда за окнами уже вырисовывался Северный вокзал. – Если бы сын одного и дочь другого были, скажем, помолвлены и если бы удалось разорвать эту помолвку...»

Как видим, баронесса была весьма изобретательной интриганкой. Но, чтобы успокоить совесть наиболее щепетильных читателей, сообщим заранее, что ей не пришлось разбивать ничьи сердца, ибо события повернулись совершенно неожиданным образом.

Взяв фиакр, баронесса велела отвезти себя в отель «Мираж», где попросила, чтобы ей заказали два билета на вечерний поезд до Кале. Из отеля она поехала в посольство, где оставила досье, как ее просили, и из посольства направилась на улицу, название которой ничего не скажет читателю, так как ее все равно больше не существует: она исчезла во время одной из перепланировок Парижа. На этой улице в доме номер пять, где подоконники были сплошь заставлены цветочными горшками, жил тот самый загадочный Франсуа Галлье, которому баронесса недавно отправляла телеграмму. Добавим сразу же, что настоящая его фамилия была не Галлье и что, хотя в квартале жилец дома номер пять числился скромным рантье, он вовсе таковым не являлся.

По натуре Франсуа Галлье был авантюрист, и страсть к приключениям могла бы завести его очень далеко – может статься, даже под нож гильотины, – не попадись ему однажды на пути наша баронесса. Бог знает как, но ей удалось привить ему любовь к порядочности в том возрасте, когда человек уже не слишком поддается чужому влиянию. Тем не менее Франсуа покаялся, завязал с сомнительным прошлым, поселился в тихом квартале и занялся разведением комнатных цветов.

Тогда, в 1885 году, это был жилистый, худой, как палка, малый лет двадцати семи, с длинными руками и длинными, как у журавля, ногами. У него были плутовские голубые глаза, темные кудрявые волосы и всепобеждающий юмор, который однажды помог ему перехитрить и обчистить трех матерых шулеров, когда они вознамерились обчистить его.

Несмотря на то что в мире мошенников Франсуа долгое время слыл мастером на все руки, Амалия была уверена в его храбрости и надежности. Не была она уверена только в одном: захочет ли он ехать с ней в Англию, чтобы помочь в ее деле, которое, в сущности, его нисколько не касалось.

Однако прием, который ей оказал рантье-цветовод, развеял все ее сомнения. Франсуа объявил, что он, получив телеграмму, уже собрался и готов следовать за ней хоть на край света. Кроме того, он слышан об англичанках и мечтает увидеть их собственными глазами.

– О, мадам, я так устал от этой приличной жизни! Скучно все-таки весь день напролет быть порядочным членом общества. Поверите ли, я даже стал заглядываться на лавку старого ювелира в том конце улицы. Он держит двух свирепых собак, но если бы мне удалось...

– Франсуа! – сказала Амалия с упреком.

Ее помощник только вздохнул и развел руками с таким невинным видом, что она не смогла удержаться от улыбки.

– Благодаря вам, – вывернулся плут, – ему больше нечего опасаться.

– Хотелось бы верить, – с сомнением в голосе произнесла Амалия. – Кстати, вы говорите по-английски?

– Не говорю, но понимаю.

– Значит, можно считать, не владеете языком вовсе. Жаль, одного понимания мало...

Ничего, будем надеяться, на нашем деле это не отразится.

– А ваше дело – оно опасное? – спросил Франсуа с надеждой в голосе. – Нас могут убить?

– Убить – не думаю, а вот неприятности у нас вполне могут быть, – отозвалась Амалия. –

На всякий случай захватите с собой оружие.

– Хорошо, – с готовностью согласился Франсуа. – Кем я буду при вас – лакеем?

Амалия секунду подумала:

– Нет, поваром. Повар-француз – это звучит естественно, а вот лакей при даме – не очень.

– Правда? – воскликнул Франсуа. – Ну, так я вас обрадую. Я готовлю так, что пальчики оближете!

– Лучше, чем в прошлый раз? – с сомнением спросила Амалия.

– О! Верьте мне, я в грязь лицом не ударю.

– Тогда встречаемся в пять в гостинице и оттуда – сразу на вокзал.

Вечером поезд, одышливо свистя, уносил их в Кале, откуда наутро они на пароме переправились в Дувр. Пока путешествие проходило без сучка без задоринки. В пути Амалия читала последний выпуск «Ньюс энд Сториз», купленный в Париже. Лорд Ундервуд превзошел самого себя: слово «война» читалось между всех строк. Франсуа, в сером безупречном костюме примостившийся напротив Амалии, проглядывал какое-то обозрение светской жизни. Как и большинство смертных, он благоговел перед звездами и титулованными особами.

– Граф Ларош-Бретон выдает свою единственную дочь за пэра Франции, хм! А герцог...

– Это случаем не тот граф, у которого вы в свое время увели столовое серебро? – как бы между прочим поинтересовалась Амалия.

Франсуа прикрыл рот газетой и зарумянился.

– И пять коллекционных бутылок коньяка почти вековой выдержки, – вздохнул он. – Мы его потом выпили, но, ей-богу, простое божоле и то лучше! Одну бутылку вообще пришлось вылить, потому что на нее не нашлось желающих.

Амалия прыснула.

– А вот это просто ужас какой-то, – заметил Франсуа, пробегая глазами строки. – Представьте себе: герцог и герцогиня Олдкасл утонули в Венеции во время медового месяца! Их похоронили в родовом склепе. Парню было всего двадцать два года, а ей – восемнадцать. Да уж, в такие минуты поневоле возрадуешься, что ты не герцог и не шастаешь по Венециям.

– Франсуа, следите за речью, – строго сказала Амалия. – Не то любой сразу же догадается, кто вы на самом деле. Слова – великие предатели, они всегда говорят о человеке больше, чем он думает.

– Понял, – смиренно отозвался Франсуа. – Буду держать рот на замке.

В Дувре наших путешественников ждал густой туман.

– Боже! – воскликнул расстроенный Франсуа. – А я-то думал, что все рассказы об английском тумане – небылицы.

– Все чемоданы на месте? – спросила Амалия, морщась и плотнее закутываясь в шаль.

Франсуа отвернулся, пересчитывая их багаж (не такой уж, к слову, большой). Мимо прохотала тяжелая карета.

– Все на месте, – доложил Франсуа, оборачиваясь к Амалии. – А что...

Он хотел спросить: «А что теперь?» – но застыл на месте с раскрытым ртом.

Амалия исчезла.

Глава 4, *окутанная туманом*

Сообразительный читатель, конечно же, уже догадался, что баронесса Корф исчезла не по своей воле. Пока Франсуа вне себя от горя мечется по Дувру, ища следы своей госпожи и благодетельницы, карета, запряженная четверкой резвых лошадей, увозит Амалию все дальше и дальше. Дорога вьется между холмов, огибая прелестные деревушки с домиками, сплошь увитыми плющом.

Амалия открыла глаза, и в уши ей ворвался стук подков по дороге и мерное посвистывание кнута. Она тут же отметила, что в бок ей впивается чей-то локоть, а еще то, что голова у нее кружится, как от крепкого вина.

– Welcome to England, milady⁸, – произносит чей-то гнусавый и (она готова поклясться) насмешливый голос.

Амалия встряхнула головой. Дувр... Ну да, она с помощником прибыла в Дувр и велела Франсуа сделать что-то. Потом ее схватили сзади, прижали к лицу какую-то тряпку и... Мой бог!

Амалия рванулась, но чьи-то крепкие руки вцепились в нее с двух сторон и усадили обратно на сиденье. Вне себя от ярости, Амалия подняла глаза и увидела напротив себя престранного субъекта. Он был лопухий, с недобрый лицом, на котором иронически кривились тонкие ниточки губ. Карета по-прежнему катила сквозь туман.

– Надеюсь, вам нравится путешествие, – прогнусавил лопухий. – Вы, если я не ошибаюсь, баронесса Эмили Корф? Меня зовут Дэниэл Уивертон.

– Это насилие, – прошипела Амалия, дергая плечом, чтобы поправить сбившуюся шаль.

– Конечно, насилие, – легко согласился лопухий. – Как и убивать общественных деятелей, между прочим.

Амалия поежилась. Итак, о ее миссии здесь были заранее осведомлены. Вот тебе и «никто не знает». Плохи ваши дела, баронесса. С контрразведкой вообще, как известно, шутить опасно.

– Надеюсь, сэр, – Амалия обрела свое обычное присутствие духа, – вы не собираетесь меня убить? Я этого просто не переживу!

У левого плеча Амалии загоготали.

– Мне говорили, что вы за штучка, – сказал Дэниэл, разглядывая ее в упор бесцветными глазами без ресниц. – Имейте в виду, у вас ничего не выйдет, так что можете и не пытаться соблазнить меня.

– Я что, похожа на сумасшедшую? – спросила Амалия в пространство с видом крайнего изумления.

На этот раз смущенно хмыкнули у ее правого плеча. Уивертон дернулся, и Амалия с радостью убедилась, что ее слова задели его за живое.

– По крайней мере, пребывание в лечебнице вам не повредит, – хладнокровно заметил Уивертон. – Это чтобы вы не могли творить здесь свои пакости. А к тому времени, когда вы выйдете из сумасшедшего дома, ваша дикая и жалкая страна будет поставлена под протекторат Британской империи.

– Если она такая дикая и жалкая, – не осталась в долгу Амалия, – на кой черт она сдалась Британской империи?

Уивертон не нашелся что ответить, но для Амалии это была слишком мелкая победа.

⁸ Добро пожаловать в Англию, миледи (англ.).

– Я рад, что вы не кричите, – произнес лопухий через некоторое время. – Это весьма благоразумно с вашей стороны, тем более что кучер все равно наш человек и я специально выбрал окольную дорогу. Так что можете не надеяться, все равно здесь никто не придет вам на помощь.

– Не зарекайтесь, сэр, это плохая примета, – насмешливо отозвалась Амалия.

На самом деле ее переполняло отчаяние. То, что она попалась, да еще таким жалким образом, было унижением для ее гордости. Стражи по бокам не спускали с нее глаз, да и Уивертон, как она заметила, только и ждал повода, чтобы учинить ей какую-нибудь гадость. Карман его зеленоватого сюртука заметно оттопыривался, и Амалия, по долгу службы имевшая дело со всякого рода оружием, без труда сообразила, что в нем скрывается револьвер.

«Франсуа, конечно, не оставит меня в беде. Но ведь он не говорит по-английски! Это плохо. Сколько пройдет времени, пока он отыщет меня, – месяц? два? А лопухий крысеныш ведет себя слишком уверенно, и похоже, что война действительно дело решенное. Господи, если бы у меня был хотя бы месяц, чтобы сделать то, что я должна сделать!»

Тем временем Уивертон, полагая, что этим более всего досадит Амалии, стал насвистывать «Правь, Британия».

– У вас хороший слух, – сладко заметила пленница, – но, по мне, собачий вой куда лучше. Свист разом оборвался.

– Сколько бы вы мне ни дерзили, вам все равно не вывести меня из себя, – угрожающе заметил контрразведчик, и в это мгновение карета остановилась. Снаружи послышались глухие голоса.

Дальнейшее произошло так быстро, что Амалия не успела опомниться. Дверца кареты распахнулась, и чья-то здоровенная ручища выдернула из экипажа Уивертонна, как устрицу из раковины. Лопухий покатился вверх ногами по дороге. Двое стражей получили зуботычины, после которых в беспамятстве съехали с сиденья на пол.

– Не извольте волноваться, мисс, – сказал устрашающего вида громила, уложивший контрразведчиков. – Все идет как по маслу!

После чего выволоч за ноги двоих стражей Амалии наружу и захлопнул дверцу. Судя по воплям, кучеру досталось не меньше остальных. Щелкнул кнут, и экипаж вновь покатился по дороге – только теперь он двигался настолько быстро, насколько позволяли лошади.

«Хорошенькое дельце! – подумала Амалия. – Куда это меня везут?»

Она бросилась к окошку, чтобы рассмотреть окрестности, но кругом был только туман и пробивающиеся сквозь него зеленоватые пятна – очевидно, деревья.

«Во всяком случае, хуже, чем в контрразведке, мне все равно не будет».

На противоположном сиденье лежала ее сумочка, в которой Амалия хранила миниатюрный револьвер для непредвиденных случаев. Амалия схватила сумочку и лихорадочно обыскала ее, но револьвера не было. Наверное, его забрал лопухий.

– Черт! Дьявол! – завопила Амалия, на секунду потеряв самообладание.

Карета круто завернула, и бедную баронессу отшвырнуло в угол.

– Тпру! – заорали снаружи.

Лошади стали, фыркая и перебирая ногами. Туман по-прежнему не позволял ничего увидеть. Амалия метнулась к дверце, но там ее уже ждал все тот же громила. У него была улыбка до ушей, как у Чеширского кота, а за ухом – она только сейчас заметила – торчал цветок ромашки.

– Боже! Какая красавица! – вскричал он. – Ну, слава богу, приехали! Мы уж решили, что вы передумали. Священник, наверное, нас заждался.

– Какой свя... – начала Амалия в изнеможении, но тут ей на голову набросили что-то белое и невесомое, и она ослепла и заметалась.

– Тихо, все хорошо, все идет как надо, – говорил громила, таща ее за собой. – Прекрасное платье для венчания! Вот молодой джентльмен-то обрадуется! Осторожно, порог – сюда... Да куда же вы! А вот и ваш суженый... Еле успели, сэр. Ужасный туман, ни зги не видно!

Амалию осенило. Она поняла, что попала в сумасшедший дом, где пациенты вырвались на свободу, и от этой мысли сразу же присмирела.

«Вот оно что! Ну, тут надо вести себя осторожно».

Она вертела головой, пытаясь хоть что-то разглядеть, но под проклятой белой тряпкой было еще хуже, чем в тумане. Кто-то возле нее скромно кашлянул.

– Вы готовы, сэр?

– Давайте, только быстрее! – велел сочный баритон где-то сбоку от нее. – Джеффри, идите сюда, вы тоже будете свидетелем.

– Хорошо, сэр, – почтительно откликнулся Джеффри.

– Согласен ли ты, Арчибальд Эдмунд Филип Невилл, взять в жены Эмили Стерн, беречь ее и заботиться о ней, пока смерть не разлучит вас?

– Да, да, да!

– Одного «да» вполне достаточно. Согласна ли ты, Эмили Стерн, выйти замуж за Арчибальда Эдмунда Филипа Невилла...

Тут Амалию пребольно ущипнули за бок, и она взвизгнула так истошно, что ее должны были услышать если не в Дублине, то уж в Эдинбурге точно.

– Она согласна! – объявил баритон.

– Объявляю вас мужем и женой, – закончил первый голос.

Кто-то взял Амалию за правую руку, но тут уж она не стерпела. Вырвав руку, она отскочила в сторону и, издав несколько бессвязных воплей, стряхнула с головы мешок из кисеи, который на нее набросили.

В жизни Амалии было немало потрясений, но, как она напишет в своих мемуарах, сильнейшим из них было именно это.

Сначала Амалия увидела скамьи – скамьи справа и скамьи слева. За ними тянулся ряд колонн. Впереди стоял алтарь и в глубине – небольшой орган. Это была церковь.

У алтаря стояли трое человек: пожилой священник с приятным лицом, полковник с седыми усами, одетый в форму одного из индийских полков, и молодой джентльмен в корректнейшем костюме новобрачного с белой гвоздикой в петлице. В руке он держал коробочку с двумя обручальными кольцами и в совершенном изумлении тарасился на Амалию.

Баронесса Корф перевела взгляд на лежавший у ее ног мешок, с помощью которого ее хотели ослепить, и увидела, что это была обыкновенная подвенечная фата с криво приколотым к ней флердоранжевым венком.

«Я сейчас сойду с ума», – подумала она.

Увидев Амалию, священник прямо-таки просиял от радости, но радость эта быстро сменилась удивлением, когда он услышал ее оторопелый вопрос, обращенный к жениху:

– Сэр, простите, но кто вы такой?

Полковник тревожно мигнул.

– Я? – заверещал юноша с белой гвоздикой. – Черт возьми, а *вы* кто такая?

Это был здоровенный – чуть ли не в три аршина ростом⁹ – малый с симпатичным лицом, кроткими, чуть навывкате хрустальными глазами и рыжеватыми волосами. На его щеках цвел неистребимый румянец, а форме рта позавидовала бы любая примадонна. В общем, четыре девушки из пяти сочли бы его красивым, а пятая, немного поломавшись, с ними бы согласилась.

⁹ Три аршина – приблизительно семь футов, или 2 м 13 см.

– Нет, кто *вы* такой? – завопила Амалия, чувствуя, что у нее голова идет кругом от всего происходящего.

– Арчи, – вмешался полковник, – в чем дело?

– В чем дело? – Рыжий в сердцах швырнул коробочку с кольцами на пол. – Это же не Эмили!

– Нет, я Эмили, то есть Амалия! – возмутилась наша героиня. – А кто вы?

– Я – Арчибальд Невилл! Как вы посмели? Где моя Эмили?

– Откуда мне знать? Ваши люди набросились на меня и...

– О боже! – застонал несчастный жених. – Джеффри! Джеффри!

Громила с ромашкой за ухом, стоявший в стороне, поколебался, но потом все-таки приблизился.

– Джеффри, кого вы мне привезли, а? Вы что, с ума все посходили?

– Сэр, – оправдывался громила, – я сделал все, как вы велели!

– Но это же не она! – кричал жених, указывая на Амалию обвинительным жестом.

– Как не она, сэр? Вы же сами сказали: блондинка и красавица. И других карет там не было. Что просили, то вам и доставили.

– Но это же не она! – повторял несчастный, ломая руки. – Ах! Боже мой! Это же не она! Это совсем, совсем другая! Что вы наделали!

Джеффри пожал плечами. Он был в полном недоумении.

– Что ж вы не сказали, что это не вы? – с укоризной обратился он к Амалии.

– А откуда я знала, кто вам нужен? – парировала она.

– Что верно, то верно, – вздохнул Джеффри.

– Что тут вообще происходит? – шепотом спросила Амалия.

Громила смущенно хмыкнул.

– Ну, вон тот джентльмен очень сох по одной леди, только ее родители – ни-ни, ни в какую. Ну, он добыл разрешение на венчание и велел нам привезти ее. Умыкнуть, – пояснил Джеффри, глядя на Амалию с радостной улыбкой. – Ну а мы, похоже, ошиблись и вместо нее умыкнули вас.

Амалия перевела дух. Загадочная на первый взгляд ситуация оказалась банальной. Настолько банальной, что она даже испытывала легкое разочарование. «Слава богу, что в мире еще не перевелись романтические идиоты, – подумала она, – не то бы меня уже заперли в бедлам»¹⁰.

– Только я не понимаю, чего он так убивается, – добавил громила, разводя руками.

Жених и в самом деле был вне себя от горя. Он испустил несколько жалобных воплей, которые растрогали бы любое сердце, кроме крокодильего, – а может быть, смягчили и последнее тоже, – и вцепился в свои рыжие волосы с явным намерением выдрать их с корнем.

– Арчи, Арчи, – полковник похлопал его по спине, для чего ему пришлось поднять ладонь вверх. – Возьми себя в руки.

Лицо Арчибальда пылало, но он, видимо, одумался. Кинув на Амалию уничтожающий взгляд, он решительно одернул сюртук и обратился к священнику:

– Итак, сэр, мне очень жаль, но произошло недоразумение. Венчание недействительно. Это не моя невеста. Я вообще ее не знаю!

– Прошу прощения, сын мой, – мягко заговорил священник, а затем обратился к Амалии: – Вас зовут Эмили?

– Почти, – подтвердила она. – Но...

– Эмили Стерн?

¹⁰ Бедлам – ставшее нарицательным название знаменитого лондонского дома для умалишенных.

– Нет, я Амалия Корф. Кроме того, я не знакома с присутствующим здесь джентльменом и вовсе не собиралась выходить за него замуж, вы уж извините.

– И все же, – покачал головой священник, – отныне вы муж и жена, и я ничего не могу поделать с этим.

Жених, уже было направившийся к дверям, остановился и резко обернулся. Причем едва не сбил с ног полковника, который подобрал кольца и смиренно плелся за ним.

– Что?! Да я ее в глаза не видел!

– Вы стояли у алтаря, и вы сказали «да», – упорствовал священник. – Вы обвенчаны, понимаете?

– Ничего я не говорила! – рассердилась Амалия.

– Вы сказали «да»!

– Не говорила! Это он ущипнул меня!

– Очень мне нужно было вас щипать! – завопил возмущенный жених.

– Вы меня ущипнули!

– Нет!

– А я говорю, ущипнули! – Амалия в воинственном запале повысила голос.

Арчибальд тяжело дышал. Оба стояли друг против друга, обмениваясь взглядами так, как хорошие фехтовальщики обмениваются выпадами в схватке не на жизнь, а на смерть.

– Поймите же, – упрямо проговорил священник, подходя к ним, – властью, данной мне церковью, я обвенчал вас. Вы стояли у алтаря, вы сказали «да», а такие пустяки – знаете вы друг друга или нет – значения не имеют.

– Пустяки?! – вскипел жених.

– Как это не имеют? – возмутилась Амалия. – Что за чушь! А ну, – скомандовала она, – дайте-ка сюда разрешение!

Полковник смущенно почесывал ус.

– Даже не знаешь, что сказать, – признался он. – Но вы держитесь, Арчи, не падайте духом. Все образуется.

– Вам легко говорить! – огрызнулся рыжий.

Священник развернул и показал Амалии разрешение на брак, не давая, однако, бумагу в руки.

– Вот. Арчибальд Невилл... и дальше: Эмили Стерн...

– Но позвольте! – вскричала Амалия. – Тут сказано, что ей восемнадцать лет и что она дочь какого-то графа... Это не я!

– Вот именно, не она! – поддержал ее жених. – Я же говорил!

– Теперь это уже не имеет значения, – ответил священник. – Согласно английским законам, вступившим в брак считается то лицо, которое стояло у алтаря, вне зависимости от того, какое имя было названо в разрешении.

– Что? – вырвалось у Амалии.

– Что? – болезненно вскрикнул жених.

Священник развел руками:

– Я понимаю ваше возмущение, но поскольку обряд уже свершен, все сомнения по поводу его правомерности может разрешить только суд. Тут я бессилён.

– Но ведь в разрешении... – начала Амалия.

– Документ, – перебил ее священник, – лишь дает основание для свершения обряда, тогда как венчание есть таинство, обсуждению не подлежащее. Простите, но я ничем не могу вам помочь.

Арчибальд, выведенный из себя спокойствием священника, сделал попытку вырвать у него злосчастное разрешение, явно чтобы разодрать бумагу в клочья. Священник проворно отскочил назад. Полковник удержал друга.

– Боюсь, – сказал священник, – что венчание вполне законно. Даже если в документе не ваше имя, а чужое. Разумеется, вы имеете право подать прошение о признании брака недействительным, если считаете, что с вами обошлись несправедливо, но должен вас предупредить... гм... такого рода дела весьма щекотливы и тянутся очень, очень долго.

– Послушайте, – обратился Арчибальд к Амалии. – Это какое-то ужасное, дикое недоразумение! Я ничего лично против вас не имею, но, черт возьми... Я не желаю, чтобы вы были моей женой!

– Арчи, Арчи... – забормотал полковник, тщетно пытаясь его успокоить.

– Вспомните, может, вы уже замужем? А?

– Мне очень жаль, – сказала Амалия искренне, – но я была замужем, а теперь...

– Уже была? О черт! – Рыжий вновь вцепился руками в волосы и, как подкошенный, рухнул на скамью. – О черт, черт, черт! – повторял он, раскачиваясь всем телом.

– Значит, все по закону, – удовлетворенно констатировал священник.

– Послушайте, – сказала Амалия, которая успела проникнуться искренней жалостью к своему так называемому мужу, – но ведь это же безумие! В разрешении стоит чужое имя, я не Эмили, а Амалия, я не говорила «да» у алтаря, и я совершенно не собиралась выходить замуж!

Священник только пожал плечами.

– Вот что получается, когда люди торопятся, – назидательно заметил он.

Арчибальд рыдал, уткнувшись лбом в спинку скамьи. Полковник пребывал в тихом оцепенении и лишь время от времени дергал себя за ус.

– Боже мой, – стонал жених, – что скажет моя тетушка, когда узнает об этом! А Эмили, моя дорогая Эмили! Я пропал, я погиб! Отойдите от меня! – крикнул он на Амалию, которая стояла возле него, не зная, что делать.

Священник открыл табакерку и взял понюшку табаку. Это был почтенный старый джентльмен, и все случившееся хоть и занимало его, но вместе с тем нисколько не выбивало из привычной колеи.

– Сын мой, я понимаю ваше отчаяние, – промолвил он серьезно, – но, прежде чем жениться на леди, надо хотя бы посмотреть ей в лицо.

– Справедливо замечено, – согласился полковник с облегчением, ибо это были первые разумные слова, которые он сегодня услышал.

– Да оставьте вы меня в покое! – крикнул в ярости рыжий верзила, срываясь с места. Он подошел к Амалии таким быстрым шагом, что она невольно попятилась, и оглядел презрительно. – Тоже мне жена! И что прикажете мне теперь делать?

– Сын мой, – сказал священник кротко, – на вас не угодишь. Добро бы я обвенчал вас с какой-нибудь кикиморой болотной, так ведь нет! Леди – настоящая красавица. Да любой мужчина был бы не прочь жениться на ней! – добавил он, беря вторую понюшку. – Чем вы недовольны?

– Всем! – рявкнул горе-жених. – Какая-то расфуфыренная кокетка... подержанная особа...

Поднялся хор возражений.

– Ну, Арчи, это уже невежливо! Твоя жена – просто красавица.

– Моя... кто? О боже! Нет, мне лучше умереть! Умереть и не слышать всего этого! – Злосчастный жених стонал. Его трясло от гнева и горя.

– Сэр, – сухо заметила Амалия, – когда вы закончите умирать, предупредите меня, пожалуйста. Не хочу показаться невежливой, но у меня на сегодня намечено еще много дел, помимо незапланированной свадьбы с вами.

– Можно подумать, я сам о ней мечтал! – фыркнул жених. – Послушайте, вы... как вас там...

– Эмили.

Арчибалд отшатнулся и побледнел.

– Не произносите при мне это имя! Эмили – моя невеста, чистейшее, воздушное создание, которая... которое...

– Знаете, сэр, – сказала Амалия (ей уже порядком надоело его отчаяние, которое она находила смехотворным), – мы женаты всего пять минут, а я уже мечтаю о разводе с вами. Когда вы придете в себя и будете способны здраво рассуждать, мы с вами поговорим. А пока, извините, мне недосуг.

И наша героиня двинулась между рядов скамей к выходу. Но едва она подошла к двери, как та распахнулась ей навстречу, и на пороге возник лопухий с синяком на скуле и с рассеченной губой.

– Что, миледи, ищем убежища в церкви? Ах ты, дрянь! – процедил он и наотмашь ударил ее по лицу.

Глава 5, *смертельно опасная*

Амалию никогда не били по лицу, и теперь она оказалась совершенно беззащитна. Щека запыхала, во рту появился солоноватый привкус. Она отшатнулась и с ненавистью поглядела на лопухого. Он схватил ее за руку и хотел вывести из церкви, но тут совершенно неожиданно вмешался рыжий.

– Эй вы, – завопил он, – не смейте трогать мою жену!

Пальцы, железной хваткой стиснувшие запястье Амалии, разжались, и она немедленно воспользовалась этим, чтобы отбежать к ближайшей колонне.

– Ваша светлость, – вкрадчиво произнес лопухий, – что вы говорите, какая жена? Это моя сумасшедшая кузина, и я везу ее в лечебницу доктора Баттла.

– Какая я тебе кузина, дурак! – крикнула Амалия с безопасного расстояния. – Ты хоть в зеркало на себя посмотри!

– Что-то я и в самом деле не помню, чтобы у вас были такие родственницы, – усомнился Арчибальд.

Дэниэл Уивертон в ярости рванулся вперед и едва не схватил Амалию вновь.

– Я вам сказал, не прикасайтесь к моей жене, черт побери! – Рыжий крупными шагами шел к ним. – И вообще проваливайте отсюда! У меня и без вас хлопот полон рот.

– Послушайте, – возмутился Уивертон, – я на службе! Вы не имеете права обращаться со мной подобным образом!

– На какой вы службе, если едете в лечебницу по частному делу? – язвительно спросил Арчибальд. Нет слов, он нравился Амалии все больше и больше. – Убирайтесь!

– Ваша светлость, – заговорил Уивертон, волнуясь, – вы что-то путаете. Как она может быть вашей женой? Вы ведь даже с ней незнакомы! Она только что приехала в Англию, этим вот утром!

– И что, ей уже успели поставить диагноз? – Арчи и впрямь нельзя было отказать в умении логически мыслить. – А мои дела вообще вас не касаются! На ком хочу, на том и женюсь. Еще не хватало, чтобы Невиллы спрашивали разрешения у каких-то там Уивертонов!

– Вам это так не пройдет, – прошипел лопухий, отступая к выходу. – Я пожалуюсь королеве!

– Моя тетушка что, заведует бедламами? – фыркнул рыжий. – Жалуйтесь сколько вам влезет, любезный!

– Его тетушка? – переспросила Амалия озадаченно, повернувшись к полковнику. Тот смущенно кашлянул в кулак.

– Ну да, Арчи – внучатый племянник ее величества королевы.

– А-а, – протянула Амалия, чувствуя прилив неожиданного интереса к происходящему. То дурацкое положение, в каком она оказалась, начало приобретать совершенно другой вид.

Рыжий верзила обернулся к ней.

– Что у вас с лицом? – спросил он внезапно.

– С лицом? – Амалия стерла кровь с губы. – Этот господин меня ударил.

Ее слова возымели самое неожиданное действие. Его светлость (два метра росту) кинулся на Уивертон, как разъяренный бык на матадора-доходягу. Затрещал оторванный воротник. Под сводами церкви раздались придушенные вопли. Амалия в ужасе шарахнулась. Священник, благодушно взирая на разворачивающееся перед его глазами форменное смертоубийство, чихнул и закрыл табакерку. Полковник с присущей военным отвагой бросился разнимать драчунов. Надо сказать, что разнять ему удалось только с третьего раза.

– Сэр, вы мерзавец! – заявил Невилл своему противнику, уши которого оттопыривались теперь пуще прежнего, а на лице прибавилось синяков. – Вы осмелились ударить мою жену, герцогиню, в моем присутствии!

Амалия села, потому что ее не держали ноги. «Я уже герцогиня?» – мелькнуло у нее в голове.

– Поэтому я имею честь вызвать вас на дуэль, – закончил герцог и рубанул воздух рукой.

Уивертон, на лице которого белые пятна чередовались с алыми и бирюзовыми, презрительно покривил ниточки губ.

– Где и когда вам будет угодно, – отозвался он. – А теперь я должен идти.

– Ни с места! – прогрохотал рыжий верзила. – Мы решим наши разногласия прямо сейчас, чтобы вы не имели возможности сбежать, как это сделал ваш трусливый предок в сражении при Азенкуре¹¹. Удовлетворение должно следовать сразу же за оскорблением, и я не собираюсь ждать. Джимми, одолжи мне саблю!

– С превеликим удовольствием, – отвечал полковник, отстегивая саблю от пояса.

– Но, – взмолился Уивертон, – у меня же нет оружия!

– Ап-чхи! – сказал священник, и все невольно оглянулись на него. А он вдруг сообщил: – У меня есть.

– Ну так несите! – велел Арчи.

И священник так быстро, как только мог, понесся на подагрических ногах к своему домику, находившемуся совсем недалеко от церкви.

Его жена, подоткнув подол, возилась в огороде.

– Сесили! – громогласно воззвал пастор.

– Ау? – привычно отозвалась его супруга.

– Сесили, скорее иди в церковь! Два джентльмена будут убивать друг друга из-за леди.

Скорее, не то все пропустишь!

– О боже, Джордж, иду! Как интересно!

Она опустила юбку, наскоро вытерла руки и засеменила вслед за супругом, уже несшим под мышкой саблю.

В церкви меж тем все продолжалось своим чередом.

– Я полагаю, у вас есть секунданты, сэр? – спросил герцог высокомерно.

– Секун... – Уивертон вытаращил глаза. – Какого черта? Вы что же это, серьезно?

– Абсолютно.

Уивертон достал платок и вытер кровь, текшую из разбитого носа.

– У меня двое друзей тут неподалеку, – злобно бросил он.

Ими оказались стражи Амалии. Они нерешительно потоптались у входа и вошли. Уивертон объяснил им суть дела.

– Но, сэр, я одного не могу понять, – несмело заметил один. – Когда он успел на ней жениться?

– Это и для меня загадка, Крэддок!

– Я и не подозревала, сэр, что вы такой храбрый, – сказала Амалия рыжему Арчи – своему мужу перед богом и людьми.

– Черт возьми, – с досадой отозвался герцог, – коли уж вы оказались моей женой, то не могу же я позволить, чтобы вас бил какой-то седьмой сын жалкого виконта! – И он задорно взмахнул саблей, со свистом рассекая воздух.

Вошел священник, за которым следовала его возбужденная половина. Ее маленькие глазки так и бегали, стремясь ничего не упустить.

¹¹ Одно из крупнейших сражений Столетней войны (25 октября 1415 года), в котором англичане одержали убедительную победу над французами.

– Прошу, – сказал священник, с поклоном подавая саблю Уивертону. – Должен заметить, господа, что в церкви все-таки неудобно драться: тут скамьи и все такое, священное место опять же... Может, вам лучше выйти наружу?

Противники обменялись злобными взглядами.

– Ничего не имею против, – проворчал герцог, высокомерно задрав нос.

Амалия вышла вслед за дуэлянтами. Тысяча мыслей кружилась в ее голове. Во-первых, выйдя замуж непонятно за кого, она все-таки оказалась герцогиней, а это, как ни крути, приятно. Во-вторых, ее случайный муж оказался на редкость решительным и бесстрашным малым, а это еще приятнее. В-третьих, тетушка ее мужа, оказывается, королева Виктория, а это уже совсем приятный сюрприз. Интересно, нельзя ли как-нибудь использовать данное обстоятельство, чтобы добиться поставленной перед ней цели? Все ее планы были нарушены похищением, и теперь ей поневоле приходилось действовать экспромтом.

Маленькая процессия – дуэлянты, стражи Амалии, сама Амалия, полковник и священник с женой – обогнули церковь, и перед ними открылось деревенское кладбище: старые плиты, покрытые мхом, и скромные кресты. Возле кладбища все остановились.

– Здесь, – твердо сказал Невилл.

Лопухий только мотнул головой.

– Должен сказать вашей светлости, – проговорил он с расстановкой, – что в Итоне я был одним из лучших фехтовальщиков.

– А будете одним из лучших покойников, – отозвался герцог и встал в позицию.

Жена священника перекрестилась.

– А она недурна, – сказала она мужу, имея в виду Амалию. – Очень даже недурна. Интересно, Джордж, почему ты не дрался из-за меня на дуэли?

– Потому что не было подходящего случая, дорогая, – благоразумно ответил священник.

Клинки со звоном скрестились, и, услышав их лязг, Амалия отчетливо осознала, что, если с ее так называемым супругом что-то случится, Уивертон не преминет выполнить задуманное – поместить ее в сумасшедший дом. Поэтому она всем сердцем желала победы рыжему, но, увы, оказалось, что лопухий вполне оправдывал свою репутацию, приобретенную в Итоне. Он сразу перешел в нападение и погнался герцога через кладбище.

– Хорошо дерется, – заметил полковник с одобрением. – Боюсь я, Арчи, простите, сударыня, вашему мужу несдобровать.

Однако он зря опасался. Невилл был ранен в левую руку, но он провел обманный прием, и Уивертон упал на чью-то могилу. Прежде чем он успел подняться, Арчибальд приколол его к могиле, как бабочку. Лопухий подергался какое-то время и замер.

– Сэр, – сказала жена священника с благоговением, – вы – герой!

Контрразведчики бросились к своему поверженному шефу.

– Он мертв? – спросил священник.

– Как покойник! – с горечью ответил один из секундантов.

Арчибальд пошатнулся, но взял себя в руки и подошел к полковнику, чтобы вернуть ему саблю.

– Надеюсь, – обратился он к секундантам, которые, пораженные, смотрели то на него, то на Уивертон, лежащего в луже крови, которая на глазах становилась все шире и шире, – вы засвидетельствуете в случае надобности, что все было по правилам. Я еду домой.

– Я вас провожу, – быстро сказала Амалия.

– На это я и рассчитывал, – проворчал раненый герцог. – Пока, Джимми. Надеюсь, ты составишь мне компанию на следующей охоте.

– А что мне делать с этим? – спросил полковник, указывая на коробочку с кольцами.

– Давай их сюда. – Арчибальд забрал кольца. – Будем надеяться, они мне еще пригодятся, когда все разрешится. Спасибо за все, священник! Это венчание я точно не забуду!

Амалия помогла Арчибальду забраться в массивную карету с гербом на дверцах, попросила громилу Джеффри принести ей сумку, и они поехали.

– Дайте-ка я взгляну на вашу рану, – предложила Амалия.

– Э, царапина, – жизнерадостно заявил герцог, хотя кровь из раны так и хлестала.

– И все-таки будет лучше, если я вас перевяжу, – настаивала Амалия, доставая из сумочки бинты и разрывая их.

Арчибальд, сопя, молча позволил ей проделать все необходимые манипуляции.

– Сдается мне, – проворчал он, – что вы та еще штучка. Медовый месяц еще не начался, а я уже убил из-за вас человека.

– То ли еще будет, – скромно ввернула Амалия. – Право, мне очень жаль, что вам пришлось из-за меня отправить мистера Уивертон к праотцам.

– Можете не жалеть, – отозвался Арчибальд, – я с детства терпеть не мог этого типа. Еще с тех пор, как он на королевской елке отнял у меня вишенку с торта.

– Утешительно, наверное, знать, что вы убили его из-за вишенки, – язвительно заметила Амалия. – Потому что большинство людей убивают друг друга и вовсе ни за что. Так не больно?

– Нет.

– Боюсь, что наше знакомство началось довольно неудачно, – сказала Амалия. – Мы даже толком не представились друг другу. Я баронесса Амалия Корф.

– Да? – Настроение герцога значительно улучшилось при известии, что его жена – не какая-то модистка, а тоже аристократка. – Я Арчибальд Эдмунд Филип Невилл, герцог Олдкассл. В забавном мы с вами оказались положении, правда?

Оба рассмеялись – в первый раз за все утро.

– Можно неприличный вопрос? – спросила Амалия, пытаясь вспомнить, где она могла слышать раньше о герцоге Олдкассле. – Сколько вам лет?

Герцог потупился.

– Восемнадцать, – нехотя выдал он из себя.

– Мне следовало догадаться, – сказала Амалия. – Только в ваши годы люди совершают такие прекрасные глупости, как похищение невест.

– Это не глупости, – отозвался Арчибальд. – Отец Эмили – упрямый старый дурак, и только. Из-за того, что мой старший брат и его жена недавно утонули, он решил, что с моей семьей лучше не иметь дела.

– Ах вот оно что, – медленно проговорила Амалия. – Так это был ваш брат? Тот, о котором писали в газетах?

Арчибальд кивнул.

– А Уивертон? – спросил он после некоторого молчания. – Кто он вам?

– Так, никто, – отозвалась Амалия. – Просто он заявлял на меня некоторые права, а я ему не уступала.

– Я так и знал! Кокетка! – фыркнул Арчибальд. – Но вы по крайней мере в своем уме? А то, помнится, он говорил что-то о лечебнице.

– Это была его хитрость, – заметила Амалия. – Чтобы сломить мое сопротивление.

– И что он в вас такого нашел? – пожал плечами Арчибальд. – Не понимаю!

Амалия в отместку слегка надавила ему на рану. Рыжий верзила сдавленно всхлипнул и умолк.

– Куда мы едем? – спросила Амалия.

– В Олдкассл, разумеется, – отозвался Арчибальд.

– Боже мой! – воскликнула Амалия. – А мой багаж? Он ведь в Дувре...

– Пошлете за ним слуг, – проворчал герцог. – Думаете, я вас так просто отпущу? Черта с два! Вы моя жена и будете оставаться ею, пока не будет доказано обратное.

Против этого Амалии было решительно нечего возразить.

Глава 6, в которой повествуется о шестом чувстве секретного агента

– Приехали, милорд! – сообщил кучер.

Рыжий милорд вылез из кареты и сделал шаг по дорожке, но спохватился и подал руку Амалии.

– Прошу, – сказал он самым непринужденным тоном. – Добро пожаловать в Олдкасл!

Амалия подняла голову, и заготовленные было для ответа слова замерли у нее на губах. Она никогда не думала, что где-то в мире может еще существовать такое чудовищное строение – настоящий замок, огромный, устрашающий и величественный, с готическими башенками и массивными стенами, местами покрытыми мхом и цепкими побегами вьюнка. Левое крыло было, очевидно, пристроено в эпоху Стюартов, правое – в георгианскую, и от сказочной мешанины стилей рябило в глазах, но сам замок странным образом от этого только выигрывал. Он оттапливал и завлекал одновременно.

«Черт возьми, – подумала Амалия, – положительно, я седьмая жена Синей Бороды».

– А он выглядит не таким уж и старым¹², – наконец сказала она.

– Строительство центральной части, – сообщил герцог тоном любезного гида, – началось еще при Плантагенетах, тогда его владельцы носили титул графа. Прежний замок сгорел при втором Ричарде, потом его много раз перестраивали.

Арчибалд покосился на свой сюртук и, заметив белую гвоздику, о которой успел забыть, решительно отодрал ее.

– Я вижу, вам тут нравится, – сказал он Амалии и, не предложив ей руку, двинулся по одной из многочисленных дорожек.

Амалия, раздосадованная тем, что не смогла скрыть своих чувств, зашагала вслед за своим новоиспеченным мужем. Возле замка к ним с поклоном вышел старый благообразный дворецкий в голубой ливрее, расшитой серебром.

– Имею честь поздравить вас, милорд, со знаменательным событием, – напыщенно провозгласил он. Тут взгляд его упал на Амалию, и выражение лица старого слуги несколько изменилось.

– Это, должно быть, подружка невесты? А мисс Эмили? Где она, сэр?

– Понятия не имею, Роджерс, – фыркнул Арчибалд.

– А... а леди, сэр? Кто это?

– Кажется, моя жена, хотя я в этом не уверен.

– Да, милорд? – пролепетал дворецкий. – О боже, ваша рука! – Он только что заметил, что его хозяин ранен.

– Ничего страшного, Роджерс, – успокоил его Арчибалд, – просто у меня была небольшая дуэль.

– Дуэль? О боже!

Чувствовалось, что ответы молодого хозяина поставили Роджерса в тупик, привели в замешательство и вообще здорово озадачили, но он не отважился на дальнейшие расспросы.

Огромный холл, утекающий вширь и ввысь, встретил Амалию прохладой и полумраком. На стенах висели портреты, с которых на каждого входящего взирали различные представители рода Олдкаслов, словно взвешивая, достоин ли он того, чтобы ступить на порог замка.

¹² Игра слов: oldcastle по-английски означает «старый замок».

– Ван Дейк? – спросила Амалия, кивком головы указывая на очаровательного юношу, держащего в руке пару восхитительно выписанных перчаток.

– Именно. Вы разбираетесь в живописи?

– Только как любитель.

– Некоторые из этих картин стоят целое состояние, – сухо сказал Арчибальд и тут же добавил: – Но это еще не значит, что они продаются. Кстати, – оживился он, – тот, на кого вы смотрите, известен тем, что утопил свою первую жену в пруду возле замка.

Покачиваясь на носках, он победно посмотрел на Амалию с высоты своего немалого роста. Она поняла, что ее столь неожиданно приобретенный супруг не так прост, как кажется с первого взгляда, и пройдет немало времени, прежде чем ей удастся завоевать его расположение.

– А вторая жена? – спросила Амалия. – Что с ней стало?

– Она подвела беднягу под топор, – мрачно ответил Арчибальд. – Заставила принять участие в заговоре, а потом сама же и выдала.

– Один – один, – подвела итог Амалия. – А это кто? – Она остановилась у портрета джентльмена, лицо которого подпирали огромный стоячий воротник.

– Мой предок Руфус Олдкасл, – откликнулся Арчибальд, косясь на нее. – Он был чуть ли не восьми футов ростом. Впрочем, мы, Олдкассы, все высокие, так уж повелось. Ему снесло голову ядром в какой-то битве, когда он вышел из траншеи по нужде.

– Ай-ай-ай, – вздохнула Амалия. – Как это, должно быть, огорчительно – быть оторванным смертью от такого важного занятия.

Арчибальд побагровел и хотел что-то сказать, но сдержался.

– Это Яков Первый. – Он оглянулся на Амалию, но она хранила молчание. – Это – Георг Второй. Все они мои предки. По материнской линии я двоюродный внучатый племянник королевы, а по отцовской – ее четвероюродный брат.

Амалия подумала, что, наверное, не так-то легко быть братом и племянником одновременно.

– Так что вам очень-очень повезло, – спесиво продолжал Арчибальд, у которого, видимо, опять возобладало дурное настроение. – Могли бы выйти замуж за какого-нибудь простолюдина, и это избавило бы меня от массы хлопот. Но не думайте, что вам удастся долго пробыть герцогиней. Этот священник Гленвилл – просто упрямый старый осел. Черт возьми, как жаль, что наш викарий Моррис заболел! Он бы точно не поставил меня в такое дурацкое положение, заставив считать своей женой неведомо кого.

Дворецкий, стоявший позади хозяина, вздрогнул и отступил на шаг назад.

– Можно подумать, что *мне* в мужья достался невесть какой подарок, – парировала Амалия, у которой в минуты раздражения язык становился острее бритвы. – Всегда мечтала выйти замуж за фонарный столб!

– Что? – вскипел герцог. – Да как вы смеете, вертихвостка несчастная!

– Я уж не говорю о том, что вашей шевелюрой можно запросто зажигать огонь без спичек. Как мне повезло! Ходячий пожар! Никакой факел не сравнится с вами.

– Вы не леди!

– А вы – не джентльмен!

– Мне попала мегера, – с горечью констатировал герцог. – Ничего! Можете смеяться сколько угодно. Завтра же я отправлюсь к самому архиепископу Кентерберийскому, чтобы он признал наш союз недействительным.

Дворецкий Роджерс посерел лицом и словно стал меньше ростом.

– И что вы скажете архиепископу? – бесстрастно осведомилась Амалия. Склонив голову к плечу, она внимательно разглядывала портрет рыжего джентльмена в орденах, чем-то неуловимо схожего с ее собеседником.

– Вся правду. Что вы женили меня на себе обманом. Роджерс, судя по всему, был близок к обмороку.

– Я – вас? Может, я опоила вас? Может, это я вас похитила? Я привезла вас в церковь и заставила священника обвенчать нас?

– Хорошо, – проскрежетал Арчибальд, – я виноват. Вы довольны? Но этому безумию необходимо положить конец!

– И вы поедете к архиепископу...

– Именно.

– Представите свои доводы...

– Так точно.

– Между прочим, похищение людей и принуждение их к браку – нешуточные преступления, – ласково заметила Амалия, и глаза ее стали совсем золотыми. – У вас могут быть неприятности.

– Все неприятности – ничто по сравнению с тем, что со мной произошло сегодня, – отрезал герцог.

– То, что с вами произошло, – вкрадчиво промолвила Амалия, – покажется вам сущим пустяком, когда все начнут смеяться над вами.

– Простите? – недоуменно посмотрел на нее Арчибальд.

– Ну да. «Этот Невилл, рыжий верзила, знаете его? Слышали, как он опростоволосился?» – «Да нет, расскажите». – «Он принял за свою невесту совсем другую». – «Да что вы?» – «И женился на ней». – «О, боже мой! Он что, совсем слепой? Или ему все равно, на ком жениться?»... Вот так и будут говорить о вас, Арчи. Я могу называть вас Арчи? Кстати, это ваш отец?

– Да, – буркнул Арчибальд. Грызая ноготь, он сосредоточенно размышлял над словами Амалии.

– Вы на него похожи.

Рыжий верзила выпрямился и высокомерно взглянул на Амалию сверху вниз (что для него было проще простого).

– Надеюсь, что это не так, – сказал он.

– Вы его не любили?

– Он был замечательный человек. Но свой лучший поступок он совершил, когда преставился.

Амалия вскинула брови: подобное циничное заявление явно было совсем не в стиле ее собеседника.

– Это мистер Уайльд, журналист¹³, так сказал, – пояснил Арчи. – Он, впрочем, произнес эти слова на обеде у леди Горинг по другому поводу. – Верзила-герцог вздохнул и посмотрел на Роджерса, смиренно ждавшего, какие еще ужасы обрушатся на него этим утром. – Пойдемте лучше обедать, миледи. Роджерс! Отведите мою... а, черт... отведите нашу гостью в желтую спальню. Где ваши вещи?

Амалия спохватилась, что совсем забыла о Франсуа. Наверное, он уже весь извелся от беспокойства.

– В Дувре. Я напишу записку моему слуге, он не говорит по-английски. Его зовут Франсуа Галлье. Поищите его в гостиницах, я забыла название той, где мы остановились.

– Какая восхитительная забывчивость, – хмыкнул Арчибальд, поднимаясь по лестнице. – Мне везет, как всегда. Мало того, что жена не та, так она еще и беспамятная.

¹³ Великий английский писатель Оскар Уайльд к 1885 г. еще не создал главных своих произведений и был известен главным образом стихами, очерками, публиковавшимися в основном в «Пэлл-Мэлл Газетт», а также как блестящий остро слов и апологет эстетизма.

– Многие мужья дорого бы дали, чтобы иметь такую жену, – ехидно ввернула Амалия.
– Многие, но не я. Нет, надо ехать к архиепископу!

Лакей отбыл с запиской Амалии, а Роджерс проводил ее в желтые покои.

– Простите, миледи, что спрашиваю вас, – заговорил он умоляюще, когда дверь за ними затворилась, – но вы – жена герцога, ведь так?

– До завтра точно, – отозвалась Амалия бодро, – а что будет дальше – бог дает!

Роджерс важно кивнул и исчез.

За обедом Амалия и ее супруг сидели в разных концах необъятного стола. Еда показалась Амалии невкусной, посуда была роскошная, но чересчур громоздкая.

– В сущности, я ничего о вас не знаю, – проворчал Арчи, когда внесли пудинг. – Кто вы и откуда?

– Разве я не говорила? Баронесса Амалия-Изоolda-Елизавета Корф, русская подданная. Я живу в Петербурге, у меня маленький сын, ему три года.

– Этого еще не хватало! – фыркнул герцог. – Вы не католичка, я надеюсь?

– А что вы имеете против католиков? – поинтересовалась Амалия.

– Я девяносто седьмой в списке наследников английского престола, – сухо сказал Арчи-бальд. – Женитьба на католичке, пусть и столь смехотворная, как эта, сразу же выводит меня отсюда.

– Ай-ай-ай, всего-навсего девяносто седьмой, – вздохнула Амалия. – Боюсь, сударь, вам придется ждать чумы или какого другого бедствия, чтобы взойти на трон. Как жаль! – добавила она, крестясь на католический манер и возводя очи к потолку.

Золотая тарелка герцога с грохотом полетела на пол.

– Так вы католичка? – пролепетал Арчи, косясь на Амалию с непередаваемым ужасом.

– Только по понедельникам, – сообщила Амалия серьезным тоном, отодвигая пудинг, – а сегодня среда. Успокойтесь, я православная, если это вас интересует.

Арчибальд порывисто вскочил на ноги.

– Так, с меня хватит! – объявил он. – Роджерс! Я беру собак и иду гулять. Вы и ваши манеры... – Он предпринял попытку испепелить Амалию взглядом, но это было все равно что попробовать растопить спичкой айсберг. – Как мне жаль, что все это не сон!

– Мне тоже, – заметила Амалия, когда дверь за ее неожиданным супругом с грохотом затворилась.

Порядочно проплутав по коридорам, Амалия наконец нашла свою спальню. Пока ее не было, с зеркал стерли пыль, из углов вывели паутину, кровать застелили заново, а камин затопили.

Амалия подумала, чем бы ей заняться. Почитать? Но у нее не было к тому охоты: когда собственная жизнь оказывается интереснее всяких романов, приключения вымышленных героев уже не так захватывают. В окно она увидела Арчибальда – он шагал в сопровождении четырех собак, размахивая руками, как мельница, и возбужденно разговаривал сам с собой.

Арчи был уязвлен. Несмотря на молодость, он немало вращался в свете и полагал, что знает женщин, но та, которой по нелепой случайности выпала честь считаться его женой, озадачивала его. Мало того, что она открыто подтрунивала над ним, – она вела себя так, словно вообще ни в грош его не ставит. Арчи подобрал с земли палку и швырнул ее далеко вперед.

– Ищи, Зигзаг!

Он даже не погладил собаку, когда та примчалась с палкой обратно, торжествующе виляя хвостом.

– Столб! Пожар! Да она просто смеется надо мной. Ама... Амалия! Камелия! Лилия! Господи, какое дурацкое имя! Нет чтобы ей звать Эмили, как любой нормальной леди...

Арчи огляделся и увидел, что дошел почти до дома vicария. Герцог поколебался, но ему надо было кому-то излить свою душу, а vicария Морриса он знал уже несколько лет. Решившись, герцог подошел к двери и постучал.

Роберт Моррис, закутавшись в кашне и свитер на редкость уродливой вязки, сидел у камина, вытянув ноги к теплу. Моррису было около тридцати лет. Если поначалу, когда он только приехал сюда, в деревне Принсхиллз его считали слишком молодым для такого ответственного поста, то вскоре жители почти единодушно пришли к выводу, что лучшего священника им не найти. Моррис отличался умом, деликатностью и красноречием, был скромным и трудолюбивым. Не обладая значительным богатством, он тем не менее ухитрился не выставлять напоказ свою бедность. Раз в два месяца кумушки в своих сплетнях женили его на ком-нибудь из местных обитательниц, но сам он, похоже, не торопился связать себя узами брака. Его бывшая благодетельница, леди Эверилл, пристроившая Морриса на это место, оставила ему небольшую сумму денег, но он прекрасно понимал и ни от кого не скрывал, что ее едва хватит только на одного его, а значит, он не вправе обременять себя семьей. Для своих лет мистер Моррис являлся чрезвычайно здравомыслящим человеком, и жители округа не стеснялись спрашивать его совета. Все сказанное молодому vicарию оставалось тайной между ним и его собеседником. Моррис не опускался до пересудов, и на него всегда можно было положиться. Жившая по соседству с Принсхиллз графиня Стерн, мать той самой Эмили Стерн, особа гордая и, в общем-то, не склонная испытывать симпатии к бедным священникам, высказалась о Моррисе так:

– Он очень воспитанный человек. Некоторые дают вам советы с таким видом, будто делают невесте какое-то одолжение, он же ведет себя так, будто это вы делаете одолжение ему.

Когда дверь распахнулась, Роберт несколько раз чихнул, и Арчи поспешно вошел, оставив собак снаружи. Молодой vicарий был, в общем, недурен собой – с большими глазами, рыжеватыми волосами и тонким, с горбинкой носом. На лице его лежала печать меланхолии, – а может быть, это было просто следствие слабого здоровья или хронической анемии.

– Ваша светлость! – Моррис сделал попытку подняться с кресла.

– Сидите, сэр... Вы еще простужены?

– Увы, да. Что вы хотите – осень!

– А я так никогда не болею. – Арчи сел. – Мистер Моррис, я пришел к вам посоветоваться. Только умоляю вас: вы ведь не будете смеяться надо мной?

– Я, сэр? Но... Как прошло то дело?

– Дело?

– Да, знаменательное событие. Ваша свадьба.

– О, Моррис, не говорите мне о ней!

– Что-нибудь случилось? – На лице молодого священника читалось искреннее сочувствие.

– Случилось, да! Случилось так, что я женился, но не на той! Моррис, что мне делать?

И герцог, не скупясь на подробности, рассказал о том, что с ним произошло.

– Это кошмарная особа – старая, дурно воспитанная... Она... она... – Арчи шипел, как дракон, которому только что сообщили, что его чешуйчатая шкура пойдет на пошив дамских сумочек. – Это что-то чудовищное! А болван Гленвилл осмеливается утверждать, что она моя жена! Неужели он прав?

Выслушав его светлость, молодой vicарий впал в глубокую задумчивость.

– Да, – признался он, – никогда не слышал ни о чем подобном!

– Но она мне жена? – настаивал герцог. – Жена или нет?

– С точки зрения церкви – несомненно, сэр. Да и закон о браке...

Словом, Моррис не мог сообщить юному герцогу ничего утешительного.

– Я намерен ехать к архиепископу, – признался Арчибальд. – Я не собираюсь жить под одной крышей с этой авантюристкой!

Пока Арчи в маленьком домике викария сотрясал воздух, выплескивал свои эмоции, Амалия зажигала в своих покоях свечи, досадуя на то, что в замок, в эту многовековую развалину, до сих пор не провели современное газовое освещение. В камине весело потрескивали поленья. Явилась горничная, получила ответ миледи, что ей ничего не надо, и тотчас же ушла. Амалия обошла свои покои, в которых спокойно могла разместиться рота солдат, и от нечего делать стала заглядывать в шкафы и сундуки. В одном сундуке хранились старинные платья, каких не носили уже лет сто, и подгрызенные молью меховые накидки. В другом обнаружили груды старого железного лома. Из-за скрипучей дверцы шкафа пахло лавандой, и Амалия, к своему удивлению, увидела висящее на плечиках белое подвенечное платье с трепещущими оборками.

Амалия не была суеверной, но вид платья молодой женщины, утонувшей и погребенной совсем недавно, вызвал у нее содрогание. Она резким движением закрыла шкаф и тут заметила чуть выдвинутый боковой ящик секретера. Внутри лежала связка писем без конвертов.

«Мы счастливы, как никогда. Кажется, проклятье больше не тяготеет над нами. После Венеции собираемся поехать в Милан...»

Амалия задвинула ящик, и тут постучали в дверь.

– Ваш повар прибыл, миледи!

Забыв обо всем на свете, Амалия побежала вниз, где посреди груды чемоданов ее ждал Франсуа – все тот же Франсуа с плутовскими глазами и открытой улыбкой. В руке он держал ведро, в котором плескалась вода.

– Франсуа! – завопила Амалия.

– О мадам! Как я намучился душой, пытаюсь отыскать вас! С вами все хорошо?

– Хорошо, лучше не бывает, я тебе потом расскажу. Представляешь, Франсуа, произошло жуткое недоразумение, и я теперь замужем!

– Замужем? А как же наше дело? – оторопело спросил Франсуа.

– Дело? Дело в шляпе, месье Галлье! А что это у тебя в ведре?

– Живая рыба, – доложил Франсуа. – Я купил ее для вас, я же повар!

– О! Франсуа! – закричала Амалия. – Ты должен меня спасти. Делай что хочешь, но чтобы у меня был пристойный ужин, а то тут подадут на золоте черт знает что!

– На золоте? – оживился бывший мошенник.

– Для тебя, Франсуа, – Амалия взяла его за пуговицу, – оно должно быть как олово!

В холл вошел Арчибальд со сворой собак. После разговора с Моррисом он несколько успокоился, но вид незнакомого человека заставил его застыть на месте.

– Как прогулка? – весело спросила Амалия.

– Это ваш любовник? – вместо ответа осведомился Арчи.

– Пока нет, а вы что, настаиваете?

Лицо у герцога сделалось клюквенного цвета, он молча развернулся и ушел. Одна собака – помесь гончей и черного лабрадора – подбежала к Франсуа, обнюхала его, затем сунула морду в ведро. И завиляла хвостом, когда Амалия ее погладила.

– Я чуть не отравился в гостинице, – со слезами на глазах говорил Франсуа. – Там подадут овсянку, которую они называют *поридж*. Но я-то, черт возьми, не лошадь, чтобы есть овес!

– Роджерс! – крикнула Амалия. – Добрый Роджерс, это мой повар. Устройте его как-нибудь поприличнее.

– Будет сделано, миледи, – отвечал дворецкий, кланяясь. – Пожалуйте за мной.

* * *

Вечером этого суматошного дня Амалия была совершенно счастлива.

Во-первых, Франсуа и впрямь не ударил в грязь лицом и приготовил на ужин изумительную рыбу, запеченную в тесте. Во-вторых, Амалия сообразила наконец, каким образом она должна поступить, чтобы не допустить войны, и ее распирало от гордости при мысли о том, какая она умная, хитрая и вообще не чета простым смертным. План был до смешного прост, но сработает ли он, зависело от множества обстоятельств. Тем не менее Амалия решила рискнуть и попробовать претворить его в жизнь.

Напевая какую-то арию, Амалия развесила свои платья в шкафу, и в то мгновение, когда она затворяла дверцу, ее словно кольнуло холодком. Амалия хорошо знала, что это такое. У всех нас есть шестое чувство, но у секретных агентов, живущих в обстановке повышенной напряженности, оно дает о себе знать гораздо чаще. Прежде чем взгляд Амалии упал на большое трюмо в глубине, она уже точно знала, что в комнате, помимо нее, кто-то есть.

На пороге спальни, едва не задев головой о притолоку, стоял Арчи Невилл и в изумлении таращился на свою законную половину. В изумлении – потому что на Амалии сейчас был лишь полупрозрачный пеньюар, а так как наша героиня обладала всем, чем должна обладать красивая женщина, то герцогу Олдкаслу определенно было на что поглядеть.

– Вы заблудились? – вежливо осведомилась Амалия. Герцог тщательно затворил дверь и сделал шаг вперед. По опыту Амалия знала, что бывают мгновения, когда самые утонченные аристократы перестают быть таковыми, и сосредоточенный вид Арчи ей не понравился.

Дворецкий Роджерс, совершенно случайно протиравший поблизости перила, услышал звук чего-то разбившегося, а затем приглушенную возню. Отметим, что хотя дворецкий был чрезвычайно добросовестен, протираание перил все же отнюдь не входило в его обязанности, так что налицо был редчайший случай служебного рвения.

– А-га, – сказал себе старый слуга многозначительно и стал надраивать балясины с удвоенной энергией.

Из комнаты, расположенной через одну дверь от желтой спальни, с лампой в руке вышла горничная Мэри-Энн, а в глубине коридора показался, с лампой же, лакей Скрэмблз. Все они, разумеется, оказались здесь по долгу службы. И тут...

Дверь желтой спальни распахнулась, и на пороге показалась белокурая герцогиня Олдкасл. Увидев ее, Роджерс уронил тряпку и закоченел. Мэри-Энн тихо вскрикнула, а Скрэмблз открыл рот, да так и не закрыл его.

На лице у герцогини было такое выражение, которое напомнило старому дворецкому картинку с Жанной д'Арк, которую помог сжечь на костре один из Олдкаслов. И слуги, оказавшиеся возле спальни, и вандейковские портреты на стенах наблюдали удивительную картину – раскрасневшаяся, с рассыпавшимися по плечам волосами герцогиня волокла за собой герцога, который упирался изо всех сил, но ничего не мог поделать, ибо, будь вы даже семи футов росту и силы геркулесовой, вы подчинитесь, если вас тащат за ухо, как нашкодившего школьника. Никогда еще стены Старого замка не видели такого позора!

Амалия доволокла герцога до верхней ступеньки лестницы, где наконец отпустила его, и Арчи Невилл рухнул на пол бесформенной кучей.

– Сэр, – вскричала разъяренная герцогиня хорошо поставленным голосом, отбрасывая назад волосы, – я настоятельно рекомендую вам принять холодный душ!

После чего развернулась и в вихре развевающихся юбок проследовала обратно в спальню, наградив по пути беднягу Роджерса таким взглядом, что он потом полночи не мог уснуть.

Глава 7, в которой речь пойдет о лягушках и архиепископе Кентерберийском

Следующая встреча после того, как была успешно отбита английская атака на русскую крепость, состоялась наутро, за завтраком.

У слуг были настолько невозмутимые лица, что даже самый толстокожий наблюдатель непременно догадался бы, что накануне в замке произошло что-то неладное. Особенно величественно выглядел дворецкий Роджерс: он руководил раздачей блюд с таким видом, что у любого возникло бы при взгляде на него впечатление, что он так и появился на свет седым, в ливрее и с благоговейно нахмуренным челом.

Арчибальд, одна рука которого была перевязана, а правое ухо имело подозрительно розовый оттенок, угрюмо ковырял овсянку. Напротив него за столом, на расстоянии примерно в пушечный выстрел, сидела его законная супруга. Как раз в это мгновение, указав мизинцем на тарелку, она спрашивала у дворецкого:

– Скажите, Роджерс, что это такое?

– Овсянка, миледи, – отвечал слуга, тревожно кашлянув.

– Уберите, – коротко приказала Амалия. – Франсуа!

И, повинувшись ее зову, в дверях возник французский повар с серебряным подносом в руках, на котором в предвкушении своего конца томилось множество всяческих вкусовостей.

Арчибальд уронил ложку в тарелку. Роджерс захлопал ресницами, не зная, что сказать.

– Завтрак подан, – зычно объявил Франсуа.

После чего подскочил к Амалии и с несусветной ловкостью разложил возле нее на столе три вида закусок, четыре основных блюда, четыре десерта и стакан с соком. Но это было еще не все: Франсуа умчался и, явившись вновь, как демон-искуситель, поставил перед Амалией тарелочку с нарезанным тончайшими ломтиками хлебом, тарелочку с сыром, масленку и, наконец, запотевшую кадушку с икрой.

– Франсуа, – только и могла промолвить Амалия, – где вы это все достали?

– О, – отвечал слуга, – я взял на себя смелость послать кое-кого за снедью в Дувр. Труднее всего было раздобыть икру, но, по счастью, там есть отель, хозяин которого долго жил в России, и он всегда готовит ее для себя. Не угодно ли откусать?

– Кого же ты послал? – недоверчиво спросила Амалия. – Ведь ты же не говоришь по-английски...

– Я захватил с собой словарь, – возразил Франсуа обиженно. – И потом, я заставляю работать свое обаяние.

– Обаяние? – проговорила Амалия задумчиво. – Хм! Только не заставляй его перетруждаться, а то оно до времени изнашивается.

– Все понял, мадам!

– Арчи, – сказала Амалия, – что вы там сидите, как цапля на насесте? Присоединяйтесь лучше ко мне. Мой Франсуа – знатный повар. По крайней мере, граф Ларош-Бретон на него не жаловался.

Франсуа склонился в сдержанном поклоне и засиял улыбкой.

– Спасибо, – сухо отозвался Арчибальд, – но мне что-то не хочется.

Однако от блюд исходил такой аромат, что перед ним не смог бы устоять даже праведник, объявивший войну чревоугодию. Слов нет, овсянка – прекрасная и полезная вещь, но она все-таки меркнет перед креветками в винном соусе. И истуканом сидящий перед тарелкой со своим пориджем Арчи составлял любопытный контраст с Амалией, уписывающей за обе щеки то,

что ей приготовил Франсуа. Наконец герцог не выдержал, пересел к Амалии и сначала робко, а затем уже без всяких околичностей принял участие в уничтожении кулинарных шедевров.

– Какая прелесть, – проговорил он с набитым ртом, указывая на опустошенное блюдо. – А что это такое?

– Лягушки, я полагаю, – отозвалась Амалия.

Арчибальд поперхнулся.

– Что?

– Ну да, лягушки из того самого пруда, где ваш предок утопил свою первую жену, – беззаботно подтвердила герцогиня.

– О мои лягушки! – возопил Арчи. – Какое коварство! Я с детства засыпал под ваше пение, и теперь... теперь вам пришел конец под ножом какого-то француза!

– Однако эти лягушки, должно быть, пребывают в весьма преклонном возрасте, коли вы знакомы с ними с детства, – съязвила Амалия. – Успокойтесь, я пошутила. Это телятина, а ваши лягушки в еду не годятся. Французы готовят только специально выращенных лягушек, а не тех, которые квакают где попало.

– Да? – рассвирепел Арчибальд. – И чем же, интересно, им не угодили английские лягушки?

Его непосредственность просто обезоруживала. Амалия переглянулась с Франсуа и разразилась хохотом. Герцог засопел и молча уткнулся в тарелку.

– Арчи, – искренне сказала Амалия, – вы просто прелесть!

– Смейтесь надо мной сколько вам угодно, – раздраженно сказал юноша, косясь на опустевшее блюдо с «лягушками», – скоро этому придет конец. Можете собирать свои вещи, сегодня днем мы отправляемся в Лондон. Я увижусь с архиепископом, он выслушает меня и, вне всяких сомнений, объявит наш дурацкий брак недействительным. Тогда я с радостью скажу вам «прощайте» и с легкой душой женюсь на своей Эмили.

– Поздравляю вас, – сказала Амалия и, к величайшему смущению герцога, обняла его за шею и поцеловала в щеку. – Франсуа! Собирайтесь. Мы едем в Лондон!

– Что за непристойные нежности при слугах! – фыркнул герцог, высвобождаясь.

Вечером чета молодоженов уже была в лондонском доме герцога на Парк Лейн – красивом, но совершенно непригодном для жилья. А на следующий день Амалия явилась в посольство, где ее ждал князь Голицын.

Князю Голицыну, послу и известному коллекционеру произведений искусства, было уже за шестьдесят. Он обожал французский язык, французскую литературу и французских танцовщиц. Нет поэтому ничего удивительного в том, что он получил назначение в Британию, страну английского языка, английской литературы и строгих (или, скорее, притворяющихся таковыми) нравов.

– Сергей Владимирович, – с порога заявила ему Амалия, – я вышла замуж.

– Ай-ай-ай! – воскликнул посол, всплеснув руками и поднимаясь навстречу своей гостье. – Неужели дело так плохо?

– Не знаю, – сказала Амалия, – но, похоже, кто-то из людей Петра Петровича или ваших работает на сторону. В Дувре меня ждали.

И она сжато и точно описала все, что с ней произошло.

– Боже мой! – воскликнул Голицын. – Так вы и есть та самая, из-за кого... В Лондоне только и разговоров, что об этой дуэли. Отец Уивертон подал на вашего... простите, на Арчи Невилла жалобу королеве. Вряд ли, впрочем, юному герцогу что-то грозит – он королевский крестник, можно сказать, любимец Виктории. К тому же секунданты утверждают, что все было честно по чести и сам он тоже был ранен... Ну надо же, как все сложилось! Теперь, когда вы герцогиня, вас и пальцем никто не посмеет тронуть. Очень удачная комбинация, Амалия Кон-

стантиновна. Не знаю, как вы ее провернули, но невероятно, фантастически удачная комбинация!

– Я же вам рассказывала, что все получилось совершенно случайно... – попробовала было оправдаться Амалия.

– Э-э, не говорите, – протянул Голицын, шутливо грозя Амалии пальцем. – Вы, баронесса, совершенно уникальное явление, вы уж простите старику его прямопу. Как вы рассчитываете подобраться к нашим джентльменам?

– Мне нужно знать, – отозвалась Амалия, – что конкретно они намерены предпринять и когда.

– Ундервуд в понедельник будет у королевы, – доложил Голицын. – Лаймхауз тоже. Лаймхауз готовит доклад, в котором представит необходимые цифры. Разговор будет *о войне*. – Русский дипломат посерьезнел и начал нервно постукивать пальцами по столу. – Возможно, в этот вечер все и решится.

– Значит, в понедельник, – сказала Амалия. – Благодарю вас.

– Я недавно приобрел одну чудную статую у разорившегося лорда, – оживился Голицын. – Хотите взглянуть? Потрясающая фигура!

– С удовольствием, – ответила Амалия, и они заговорили о Древней Греции и Риме.

Меж тем как баронесса – простите, теперь уже герцогиня – имела приятную беседу с утонченным ценителем искусства, Арчибальд Эдмунд Филип Невилл маялся от скуки, ожидая, когда его примет архиепископ Кентерберийский. Звали архиепископа Бэзил Сазерленд. Начав викарием не самого процветающего прихода, он сделал головокружительную карьеру и достиг высшего поста в англиканской церкви, так что теперь ему ровным счетом нечего было желать. Сазерленду исполнилось пятьдесят восемь лет. Голубые глаза на его худом костистом лице поражали своим блеском. Рот, как скобки, окружали две резкие морщины, выдававшие в хозяине склонность к брюзгливости. В самом деле, Сазерленд был желчен, суров и славился тем особым английским юмором, который непосвященным кажется чистым садизмом. Хуже всего, впрочем, было то, что он страдал язвой, и поэтому, когда перед ним возник пышущий здоровьем гренадерского роста молодец, первым чувством архиепископа было непреодолимое отвращение.

«Этот небось не страдает от рези в желудке, ни в чем себе не отказывает, ест и пьет до отвала – и шампанское, и окорока, и все, что хочешь, – и не мучает себя минеральной водичкой». Так первым делом подумал архиепископ. Не то чтобы уже тогда в его мозгу зародилась коварная мысль досадить Арчибальду – просто он решил не упустить случая поддеть этого непростительно здорового юношу, который к тому же посмел заявиться к нему с лиловой гвоздикой в петлице.

– Сэр, – сказал Арчибальд после предварительного обмена любезностями, – меня привело к вам весьма срочное дело.

А затем непозволительно здоровый юноша огорошил архиепископа заявлением, что он хотел жениться на одной, а под венцом оказалась совсем другая, но он ее не знает и, между прочим, не желает знать, – так нельзя ли как-нибудь побыстрее разрешить это недоразумение.

– Разберемся, – пожевав губами, изрек архиепископ. – Итак, вы собирались жениться на девице Эмили Стерн, которая является младшей дочерью графа Стерна. Так?

– Так.

– Заручились согласием ее родителей. Верно?

Арчибальд смешался, что понятно, если учесть, что никакого согласия не было и в помине.

– Я полагал, – вывернулся он, – что они не будут против нашего брака.

– Ага, – изрек архиепископ. – Так они знали о нем или нет?

– Разумеется, знали. – Арчибальд пошел на явную ложь.

– Тогда почему их не было при венчании?

– У них, – Арчибальд запнулся, – были свои дела.

– Ну что ж, – благодушно сказал архиепископ, – все мы занятые люди, в конце концов. Стало быть, они не были против вашего брака, невеста тоже, и вы без всяких хлопот получили разрешение.

Арчибальд готов был провалиться сквозь землю. Он сумел получить разрешение, только очень сильно надавив на епископа, своего родственника, после чего епископ дал ему понять, что больше не желает его видеть. Все обстоятельства были против бедного Невилла.

– И ни с того ни с сего у алтаря оказалась другая, – ядовито подытожил архиепископ. – Причем вы сказали «да», она сказала «да», и священник вас обвенчал, а потом вы вдруг поняли, что это не она. – Архиепископ выдержал паузу. – Сэр, вы считаете меня старым дураком, выжившим из ума?

– Нет, сэр. – Арчибальд смешался.

– Может быть, – продолжал архиепископ саркастически, – я похож на осла?

– Никоим образом, сэр! – ужаснулся Арчибальд. – Я...

– Наверное, все-таки похож, если слушаю ваш бред, – заявил архиепископ. – Прошу прощения, но во всем том, что вы мне тут рассказали, нет ни капли здравого смысла. Эта леди, ваша невеста, приехала к вам, сколько я могу судить, по своей воле. – Арчибальд открыл было рот, но архиепископ раздраженно стукнул по столу распечатанным конвертом. – Преподобный Гленвилл в своем отчете, посланном мне, утверждает, что вы непозволительно торопили церемонию, вам прямо-таки не терпелось обзавестись женой. Но сразу же после венчания вы стали кричать, что произошла ошибка. – Арчибальд вновь хотел что-то сказать, но архиепископ предупредительно поднял руку. – Сэр, я знаю, что в природе существуют всякие чудеса, но я также знаю, что даже у чудес существует свой предел. Как могло случиться, что, стоя у алтаря, вы не признали в лицо свою супругу? Как она вообще оказалась в церкви, если ее там не должно было быть? И наконец, если, по вашим словам, она не знает вас, как она могла ответить «да» на вопрос преподобного Гленвилла в присутствии двух свидетелей венчания? Так вот, дорогой сэр, я скажу вам, как это могло случиться. Вы знали ее, вы собирались жениться на ней, но в какой-то момент передумали и решили обмануть ее с помощью этого дурацкого разрешения, для которого вы указали заведомо ложные сведения. Теперь, ухватившись за тот факт, что в разрешении указано другое лицо, вы пытаетесь доказать необоснованность вашего брака. Вы обольстили невинную девицу...

– Девицу? – завопил Арчибальд. – Да она уже была замужем! У нее ребенок трех лет от роду!

– Обмануть бедную горемычную вдову – это еще хуже, – горько сказал архиепископ.

– Да я ее прежде в глаза не видел! Я никогда не встречал ее, поймите!

– Однако вы не поленились убить на дуэли джентльмена, невежливо обошедшегося с нею, – сразил его последним доводом почтенный Сазерленд. – Что-то мне не верится, что ради того, кого совсем не знаешь, можно убить человека, так сказать, до смерти. Довольно, сэр. Имейте уважение если не к вашей жене, то к себе самому.

– Она мне не жена! Не жена она мне!

– Сэр, вынужден вам заметить, что вы слишком многое себе позволяете, – прогремел архиепископ, поднимаясь с места. – Я знаю, что вы крестник королевы, но, будь вы хоть самим принцем Уэльским, я бы и то не позволил вам издеваться над священным институтом брака! Если вы настаиваете на том, что женились не на той особе, что ж, обращайтесь в суд и требуйте развода или расторжения, чего хотите. Должен вам сказать сразу же, что ваш случай очень труден, так что посоветую вам выход попроще: живите в согласии с вашей супругой, пока смерть не разлучит вас! А теперь, ваша светлость, прошу извинить меня, у меня другие дела.

Глава 8, *в которой заключается соглашение*

– Я проклят, проклят, проклят! – были первые слова Арчибальда, когда он вернулся в особняк на Парк Лейн.

Амалия, удобно устроившись на кожаном диванчике в библиотеке, перелистывала редкое издание «Гептамерона» Маргариты Наваррской.

– Что, я все еще ваша жена? – осведомилась она.

– К сожалению, – сухо отозвался герцог. – Архиепископ отказался признать венчание незаконным. Я уже виделся со своим адвокатом из фирмы «Дойл и сыновья». Он считает, что архиепископ выгораживает священника, допустившего ошибку. Когда я спросил его, смогу ли я все-таки добиться признания брака с вами недействительным, он уклонился от ответа. Кажется, он предпочитает, чтобы я разводился с вами.

– И немудрено, – заметила Амалия, разглядывая великолепную виньетку на странице книги, – развод – дело хлопотное, он тянется несколько месяцев и даже лет, на нем всегда можно неплохо заработать... а какой адвокат откажется от лишних гонораров? Отдых в Ницце, «Шато-Марго», дорогие сигары, бриллианты супруге... Вы для них лакомый кусочек.

Арчибальд застонал и несколько раз стукнулся лбом о дверцу книжного шкафа.

– Не портите мебель, – одернула его Амалия. – Кроме того, так вы ничего не добьетесь. Если вы непременно хотите разбить себе голову, попробуйте на прочность одну из колонн в холле.

– С каким удовольствием я бы вас прикончил! – злобно сказал Арчи, но тем не менее оставил шкаф в покое.

– Боюсь, это удовольствие не было бы взаимным, – дипломатично ответила Амалия. – Сядьте и давайте поговорим.

– Кажется, я уже знаю, о чем мы будем говорить, – горько промолвил Арчи, ваяясь в кресло. – О той половине моего состояния, которую вы хотите заполучить. Разве не так?

– Нет.

– Я так и думал, что половиной вы не удовлетворитесь.

– Мне вообще ничего от вас не надо, – сказала Амалия. – Просто, знаете ли, любопытно побывать герцогиней. Может, у меня в жизни больше не будет такого случая.

– В герцогини вы не годитесь, – заявил Арчибальд.

– Это почему же?

Прежде чем ответить, Арчибальд зачем-то потрогал мочку своего правого уха.

– Вы слишком красивы. Настоящая леди должна быть хороша, но она не может быть красавицей, это привлекает к ней ненужные взоры.

Такой галиматьи Амалии отродясь не доводилось слышать.

– Еще одно слово, – сухо сказала она, – и я начну всерьез думать о половине вашего состояния.

– Это меня не удивит, – отозвался герцог язвительно.

Амалия со стуком захлопнула «Гептамерон», подавив порыв запустить увесистым томом в Арчи. Затем подошла к столу, взяла лежавшие на нем листы и подала их герцогу.

– Лучше прочтите вот это...

Это был один из самых любопытных документов, какой только пришлось составлять поверенному российского посольства в Лондоне Скуратову. Суть его заключалась в следующем: если в течение месяца, начиная с сегодняшнего дня, герцог Олдкасл не предпримет никаких шагов для развода, будет повсюду представлять Амалию как свою жену и прочая, она

обязуется не предъявлять к нему никаких имущественных либо материальных претензий и, в зависимости от его требований, немедленно согласится на развод по истечении этого срока либо поддержит его заявление о признании брака недействительным.

– Я что-то не понимаю, – признался герцог. – Чего вы хотите?

– Я вам уже сказала, – отозвалась Амалия. – В течение месяца побыть герцогиней. После чего я верну вам свободу.

Арчибалд встал и заходил по комнате.

– Вы ставите меня в совершенно невыносимое положение. У меня насыщенная светская жизнь. Я езжу на охоты, бываю при дворе, я... Вы хотите разделить все это со мной?

– А как же иначе, – ответила Амалия. – Но сразу же оговоримся. В спальню ко мне вы не заходите. Ни пожелать мне доброй ночи, как в прошлый раз, ни... словом, никогда.

– Я ошибся дверью, – сказал герцог оскорбленно.

– Я вам верю, – отозвалась Амалия спокойно.

– Итак, я только вожу вас на балы, в театры, представляю тетушке и говорю всем, что вы моя жена. Проходит месяц, и мы расходимся, после чего я вас больше не увижу. Вы не требуете от меня ни денег, ни... короче, ничего. Так?

– Так.

– А как же Эмили?

– Что – Эмили?

– Моя невеста Эмили. Вы что же, совсем забыли о ней?

– А что с ней такое произошло?

– Да то, – горько сказал Арчибалд, – что, если она увидит меня женатым, она не переживет этого!

– О Арчи, – отозвалась Амалия, – уверяю вас, женщины способны пережить и не такое. Если вы будете вести себя с тактом и умом, то в этой ситуации окажетесь только в выигрыше.

– Я? – поразился герцог.

– Ну да. Вспомните старое испытанное гусарское правило: если гусара селили в дом, где жили две сестры и он хотел добиться благосклонности одной из них, то немедленно начинал ухаживать за другой. Поймите же, Арчи: все преимущества на вашей стороне. Вы молоды, знатны, богаты и не так уж дурны собой. Не знаю, как вы раздобыли это злосчастное разрешение на брак и уговорили Эмили бежать и обвенчаться с вами. В последнее мгновение она передумала и не пришла. Не пришла ведь, Арчи? Она, возможно, любила вас, но полагала, что вы никуда от нее не денетесь, а вы взяли и обманули ее ожидания. Теперь вы верите, что навсегда потеряли ее, но вы не правы. Все женщины – собственницы, и, когда они замечают, что на их собственность заявляет права кто-то другой, они выходят из себя. Верьте мне, Арчи, ваша Эмили сделает все, чтобы вернуть вас, а я... я не собираюсь ей в этом мешать.

– Вы Макиавелли в юбке, – пробурчал герцог. – Откуда вы знаете, как она поступит? Вы ведь даже в глаза ее не видели!

– Хотите пари? – предложила Амалия с невинным видом. – Я берусь даже предсказать, что она скажет вам при первой встрече.

– Однако! Вы так уверены в себе?

– Так заключим пари?

– С удовольствием!

В понедельник, день приема у ее величества королевы, дом на Парк Лейн ходил ходуном.

– Мы опоздаем! – кричал одетый в изумительно скроенный фрак герцог Олдкасл, мечась между лестницей и входной дверью. – Фрэнсис! Поторопите герц... поторопите миледи, черт бы ее побрал!

В покоях миледи вокруг нее суетилось полдюжины портних мадам Шаплен, знаменитой модистки, за право одеваться у которой среди лондонских модниц разыгрывались нешуточные баталии. Сама великая мадам в очень простом и скромном темном платье стояла тут же, что было большой честью для заказчицы, и давала указания, где что подобрать и подколоть. На изготовление наряда для герцогини Олдкасл было отведено всего два дня, и поэтому даже в последние минуты для портних нашлась работа. Сам наряд являл собой мечту любой принцессы. Это было переливчатое, расшитое бисером и невесомыми пестрыми перышками платье небесно-голубого цвета, игравшее всеми цветами радуги.

– *Assez!*¹⁴ – скомандовала мадам. Последняя портниха с облегчением поднялась с колен, и тогда сама Шаплен, приблизившись, придирчиво оглядела Амалию и собственноручно подправила две складочки, которые осмеливались не так лежать.

В дверь забарабанил лакей:

– Прошу прощения, но его светлость теряет терпение!

– Если потеряет, мы его найдем, – весело отозвалась Амалия и, расцеловав мадам в обе щеки, поплыла к двери.

В вестибюле Арчибальд в который раз взглянул на жилетные часы и, с шумом втянув в себя воздух, сунул их обратно в карман. Он обернулся к лестнице и приготовился разразиться желчной тирадой, но все слова замерли у него на губах.

Ибо он увидел райскую птицу... чудо природы... что-то прекрасное, ослепляющее, завораживающее... живой мираж, направляющийся к нему. И этим миражем была женщина.

Амалия, чрезвычайно довольная произведенным эффектом, подошла к герцогу и расправила веер.

– Арчи, – промолвила она с упреком, – ну не стойте так, скажите хоть слово!

Но Арчи, казалось, напрочь утратил дар речи.

– Пойдемте, – сказала Амалия, – мы опаздываем.

Величественный негр в герцогской ливрее распахнул перед ними дверцу кареты.

– А этот откуда взялся? – опешил его светлость. – Зачем он здесь?

– Он едет с нами, – отозвалась Амалия. – Это мой новый слуга. Не беспокойтесь, с ним не будет никаких хлопот.

Арчибальд насупился и забился в угол.

– Прекрасное платье, – наконец вымолвил он.

– Да, мадам Шаплен знает толк в своем деле, – подтвердила Амалия.

– К нему требуется еще кое-что... – Герцог сунул руку в карман и достал одну из тех коробочек, внутри которых может скрываться все, что угодно, от перстня со стеклом до изумрудного браслета Лукреции Борджиа. – Я надеюсь, вам подойдет. Это фамильная драгоценность, она принадлежала еще моей матери.

Он откинул крышку и...

Всем известно, что женщины – создания, в общем-то, чувствительные и легковверные. Даже ведро мусора, вынесенное мужчиной, заставляет нас проливать слезы умиления, а от букета цветов, которые увянут через три дня, наше сердце начинает биться чаще, чем ему положено. Что уж тут говорить о впечатлении, которое на самую закаленную, самую пресыщенную особу может произвести восхитительный бриллиант размером приблизительно три на два сантиметра, нежнейшего розово-сиреневого оттенка, ограненный столь искусно, что кажется, будто внутри него затаились и трепещут язычки неугасимого пламени?

Наша героиня была замечательным человеком, но все же она была только человеком и к тому же женщиной. Восторг – тоже ловушка, хотя это и одна из прекраснейших ловушек.

¹⁴ Довольно (фр.).

И тот, кто сказал, что камни способны наводить чары, был, несомненно, прав. Амалия была очарована.

– Это «Принцесса», – сказал герцог с гордостью. – В ней пятьдесят два карата. В мире очень мало алмазов такого оттенка, и этот – уникальный. Мне подумалось, что раз уж вы... словом, что вам будет приятно его надеть.

Камень был оформлен в виде подвески на цепочке, и Амалия безропотно позволила герцогу надеть «Принцессу» себе на шею. Всякие слова в такое мгновение были бы неуместны. Она потрогала камень – он был тяжелый и прохладный. Герцог закрыл коробочку и убрал ее в карман. Они подъезжали ко дворцу.

– Это очень мило с вашей стороны, Арчи, – искренне сказала Амалия. – Я ничего подобного не ожидала. Вы меня тронули.

Она наклонилась и поцеловала своего супруга (в общем-то, законного) в щеку. И после этого Арчи Невилл почувствовал себя последним негодяем.

Глава 9, в которой Амалия требует войны, а Эмили не требует ничего

Вечеру у королевы, состоявшемуся в осенний понедельник 1885 года, не суждено было войти в историю как чему-то значительному. Впрочем, известно, что история слепа и часто проходит мимо невыдающихся причин выдающихся событий. Она, нет, вернее, те, кто пишет учебники, ей посвященные, хотят уверить нас, что правители и политики в своих действиях руководствуются одними лишь соображениями государственной необходимости. Мало того, зачастую из учебников следует, что отдельные личности вообще не имеют значения для исторического процесса, который-де не под силу направить ни одному человеку, как бы высоко он ни стоял. Если принять эту интересную, но, увы, маловероятную гипотезу, вообще становится непонятно, как же тогда создается история. Либо приходится признать, что ею управляет некий рок, темная стихийная сила, либо – что она сама идет, куда ей вздумается, причем постоянно забредает не туда, куда следует.

Но история, которая, по сути, всегда является историей людей, все же немислима без участия этих самых людей, причем в самых разнообразных вариантах. Примеры? Сколько угодно! Если бы Алиенора Аквитанская не вышла замуж за английского короля и не принесла ему в приданое пол-Франции, не было бы Столетней войны. Если бы Наполеона случайно казнили во время революции (а из-за своей дружбы с Огюстеном Робеспьером он один раз оказался в очень опасной ситуации), не было бы ни наполеоновского величия, ни наполеоновских войн, ни наполеоновской эпохи. Если бы принцесса Шарлотта, двоюродная сестра английской королевы Виктории, осталась жить, мы бы не говорили сейчас о викторианской эре, ибо было ничтожно мало шансов на то, что дочь четвертого сына короля Георга Третьего когда-нибудь займет английский престол. Но она его таки заняла. Ее правление совпало с периодом процветания Англии, когда страна находилась на вершине своего могущества, которое годы спустя сумели поколебать только две мировых войны и распад Британской империи. Но в XIX веке это была самая мощная держава, какую только можно себе представить, и ее жители были наполнены тем особым чувством гордости, какое всегда внушает принадлежность к сильной, богатой и уверенной в своем будущем стране.

Викторианская эпоха известна, помимо всего прочего, и своей строгостью нравов, под которой подразумевалось главным образом неукоснительное соблюдение внешних приличий. В связи с этим часто произносят такие слова, как чопорность, лицемерие и ханжество. Сама королева всю жизнь носила траур по супругу, которого потеряла в сорок лет, но при этом имела любовников среди слуг. Возможно, в этом она разделяла вкусы своей матери – некоторые ученые-генетики, основываясь на том, что Виктория передавала гемофилию, непонятно откуда унаследованную, и через своих потомков заразила ею все царствующие дома Европы (в том числе, увы, и русский, ибо последняя российская царица была внучкой Виктории), – так вот, генетики утверждают, что настоящим отцом Виктории был секретарь ее матери, а вовсе не престарелый герцог Кентский. Если специалисты по ДНК когда-нибудь подтвердят данный факт, что вполне вероятно, то это еще раз послужит доказательством тому, что и истории присуще своеобразное жестокое чувство юмора. Незаконнорожденная, насаждавшая образцовую мораль, – что может быть парадоксальнее? Впрочем, величайший из английских королей, Вильгельм Завоеватель, чье второе прозвище было Вильгельм Бастард, не слишком страдал от того, что его матерью была прачка, и этот факт вовсе не помешал ему покорить Англию. Причем его новых подданных куда больше ужаснуло то, что он с истинно нормандской методичностью велел их всех пересчитать (это в одиннадцатом-то веке, когда и понятия не имели о

переписи населения!) и занести в особый реестр, который лишённые всякого уважения к статистике тогдашние англосаксы прозвали «Книгой Страшного суда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.